

Элис Хоффман

КРАСНЫЙ
САД

Любовь – стихия, противостоять которой
могут только самые храбрые...

Элис Хоффман

Красный сад

«ЭКСМО»

2013

Хоффман Э.

Красный сад / Э. Хоффман — «Эксмо», 2013

Город Блэкуэлл в штате Массачусетс. Когда-то давно несколько людей пришли сюда, на пустую землю, чтобы возделывать ее, строить дома и рожать детей. Среди них была и Хэлли Брэди – отважная молодая женщина, которая не боялась ни метелей, ни медведей. Только благодаря ей первые поселенцы не замерзли насмерть и не умерли с голода. Хэлли давно умерла, а Блэкуэлл по-прежнему существовал. В город пришли новые люди: женщина, которой пришлось совершить преступление, чтобы спасти своего ребенка и сохранить собственный рассудок, таинственный незнакомец, который поселился в лесу и скрывался от всех, и множество других, не менее интересных и таинственных персонажей. В жизни каждого из них очень важен магический красный сад, такой красный, словно в его почве бьется живое, наполненное кровью сердце. Такой сад, где растут только красные плоды, есть только здесь, в Блэкуэлле, и только здесь с людьми могут происходить столь необычные события.

© Хоффман Э., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Восемь ночей любви	16
Год без лета	22
Филин и мышь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элис Хоффман

Красный сад

© Alice Hoffman, 2011.

This edition published by arrangement with Crown Publishers, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Random House, Inc and Synopsis Literary Agency.

Город Блэкуэлл в штате Массачусетс получил свое название в 1786 году. Сначала, с момента своего основания в 1750 году, он назывался Беарсвил – Медвежий поселок, но скоро стало ясно, что такое название мало способствует привлечению новых поселенцев. Черных медведей и правда в лесах было почти так же много, как сосен, но угря в реке водилось больше, чем росло папоротника на берегах. Можно было просто сунуть руку в мелкую зеленоватую жижу и поймать полдюжины рыбин без всякой удочки. А если бы вы рискнули зайти в воду по пояс, то угри вмиг облепили бы вас со всех сторон. Однако никому и в голову не пришло назвать город в их честь Угорьвиллом или как-нибудь в этом роде, хотя горожане часто и охотно ели пирог с угрем, а многие мужчины носили ремни и ботинки из кожи угря. Они утверждали, что кожа угря приносит им удачу в картах, правда, других сторон жизни – взять, к примеру, любовь или предпринимательство – эта удача даже краем не касалась.

Первое название города всегда вспоминали и обсуждали в августе – в этом сухом желтом месяце, когда трава поднимается высоко и медведи объедаются до отвала черникой на горе Хайтоп, скалистой достопримечательности округа Беркшир, которая отделяет Блэкуэлл от остального мира. В августе проводился праздник памяти Хэлли Брэди, но тот, кто думает, что она родилась в этом месяце, ошибается. На самом деле она родилась в английском городе Бирмингеме 16 марта, и ей выпала нелегкая доля. Рано осиротев, предоставленная лишь себе, она вынуждена была в возрасте одиннадцати лет поступить к шляпным дел мастеру. Работа была крайне неприятная, она не ограничивалась тем, чтобы выкраивать из черной ленты повязки для шляп. Хозяин мастерской неотступно что-то вынюхивал и выслеживал, хватая Хэлли за бледный веснушчатый подбородок так, словно она была его вещью. Она ждала своего часа. Она была из тех людей, которые готовы встретиться с неизвестностью, это девушка, которая уверилась в том, что больше ей терять нечего. По сравнению с ее детством все трудности Беркшира покажутся раем, если не считать суровых, почти бесконечных зим.

Даже в разгар летней жары, когда над рекой звенят комары, а в окна домов бьются пчелы, при взгляде на Хайтоп людей пробирала дрожь. Не все наделены таким мужеством, как Хэлли Брэди, и местные жители, которые пришли позже основателей города, прекрасно знали, как убийственны темные зимние месяцы в этих краях. Они диву давались – как первым поселенцам удалось пережить свою первую зиму, с медведями под каждым деревом и сугробами в человеческий рост. До появления Хэлли Брэди со спутниками дальняя сторона горы Хайтоп была необитаемой. Аборигены, которые жили поблизости, клялись, что ни одному человеку не будет счастья на западном склоне горы. Охотники никогда не ступали на эту землю, несмотря на то что леса кишели пушниной, лисой и волком. Там в несметном количестве водились краснохвостые ястребы, олени, белки и медведи. И все-таки охотники предпочитали держаться подальше от этих лесов. Они верили, что есть заповедные места и что человек такой же царь природы, как и пчелы, которые роятся летом на склонах горы.

Отряд первых поселенцев возглавлял Уильям Брэди. Он решил, что прежде, чем отправиться в дикие западные земли Массачусетса, следует обзавестись женой, спутницей, готовой разделить с ним тяготы путешествия. Он повстречал Хэлли в Бостоне месяц спустя после ее приезда, еще меньше чем через месяц они скрепили союз клятвой, сказав друг другу «да», и пустились в путь, на запад. Хэлли сама заботилась о себе после отъезда из Англии. Уильям был первым мужчиной, который сделал ей предложение, и она, недолго думая, согласилась. Она не

верила в любовь, но верила в свое будущее. Ему было сорок, ей – семнадцать. Он потерпел крах во всех своих начинаниях, она еще не начинала жить. После первой брачной ночи, проведенной в шумной гостинице недалеко от бостонского порта, у Хэлли возникло впечатление, что их брак – ошибка. Исполнив супружеский долг, Уильям провалился в глубокий, тревожный сон. Занимаясь любовью, он не проронил ни единого слова. По здравом размышлении некоторое время спустя Хэлли поняла, что надо быть благодарной и за это, но в ту ночь она чувствовала себя невероятно одинокой, ведь она только что вышла замуж.

Уильям обладал одним достоинством. Он умел втирать очки. Получив согласие Хэлли выйти за него замуж, он вскоре после свадьбы сумел уговорить еще три семьи отправиться на запад. Путешествовать сообще безопаснее, особенно по горам. Свое согласие дали супруги Мотт и супруги Старр, а также семейство Партриджей, у которых был маленький сынишка по имени Гарри. Хэлли вскоре стала подозревать, что вышла замуж за мошенника. И впрямь Уильям Брэди спасался бегством от долговой тюрьмы, за ним тянулся длинный шлейф неудачных авантур, сопряженных с выманиванием денег у людей. Он убедил присоединившиеся к ним семьи оплатить все необходимое для экспедиции: лошадей, мулов, вяленое мясо, муку пшеничную и муку кукурузную. В обмен на это Уильям взял на себя обязанности проводника. Он заявил, что у него большой опыт, на деле же он никогда не бывал дальше Конкорда. Он водил их кругами весь октябрь. Нельзя было придумать ничего глупее, чем отправляться в путь по неразведанным землям без карты, да еще в октябре, – они плутали по дикой местности, пока снежная буря не остановила их. Они как раз карабкались на гору Хайтоп, когда разыгралась непогода. Место, где они окопались, спустившись обратно в долину, и стало началом Беарсвилла, Медвежьего поселка.

Первым увидел медведя шестилетний Гарри Партридж. Зима еще не вступила в свои права, но снег на земле уже лежал. Они жили как цыгане, пока мужчины трудились в поте лица, чтобы построить настоящее жилище. Гарри крикнул, чтобы все бросили работу и посмотрели, что он там нашел. Мужчины оставили кособокую деревянную избушку и пошли за ним. Они расхохотались, увидев высоко на дереве беличье гнездо из листьев, которое городской бостонский мальчик вполне мог принять за хищного зверя.

С тех пор это место стали называть «медведем малыша Гарри».

– Ступай туда, к «медведю малыша Гарри», найдешь там вязанку хвороста, – обычно говорили они друг другу после того случая. – Поверни налево возле «медведя малыша Гарри» – и выйдешь к ручью.

Сами того не осознавая, они обижали малыша Гарри, и его лицо всякий раз при этом заливалось краской. Но не он один боялся медведей. Женщины – Рэйчел Мотт, Элизабет Старр и Сюзанна Партридж, мама Гарри, – с наступлением темноты начинали нервничать. Они слышали подозрительный хруст, когда ходили собирать рябину – последний дар леса, которого вряд ли хватит, чтобы перезимовать. На прибрежной грязи они видели отпечатки следов чудовищного размера. Ничего удивительного, что дамы плохо спали по ночам, даже после вселения в жалкую избушку, которую никакими усилиями не удавалось прогреть. Поселенцы оставляли очаг тлеть и днем и ночью, проветривая помещение через отверстие в крыше. От дыма их лица и руки почернели, несколько раз путешественники едва не замерзли до смерти. По утрам, когда они просыпались, их волосы и одежда хрустели от инея. Вполне вероятно, они бы умерли с голоду, проклиная и тот день, когда встретили Уильяма Брэди, и все последовавшее за этой встречей, если бы однажды Хэлли не отправилась к реке, подталкиваемая голодом и злостью. У нее в голове не укладывалась, до чего беспомощным оказался их отряд в трудной ситуации. Мужчины не умели охотиться. Они не были приспособлены к выживанию в лесу. У нее сложилось впечатление, что все околдованы этой горой, готовы лечь на свои соломенные подстилки, закрыть глаза и отказаться от единственной дарованной им жизни.

Хэлли решила действовать самостоятельно. Она перебралась через замерзшее болото, не обращая внимания на заросли колючего кустарника. Выйдя на берег реки, взяла камень и разбила им ледяную корку над водой. Запустив голые руки в ледяную воду, вытащила связку угрей для ухи. Рыбины извивались и вырывались, как обычно делают угри. Но из-за холода они почти впали в спячку, и Хэлли легко одержала победу. Она проделала сюда долгий путь аж из самой Англии и не собиралась умирать в первую же зиму, пусть даже и на западном склоне этой высокой мрачной горы. Затем из прутьев и веревок она смастерила капкан и, сопровождаемая малышом Гарри, начала охотиться в полях на кроликов. Уже наступил ноябрь, и небо над горой вечерами светилось фиолетовым светом, словно чернила разлили по странице. Шагая по лесу, Хэлли и Гарри смотрели, как струйкой вьется в воздухе их дыхание. Они слышали, как копошатся в капканах пойманные кролики. Это правда: кролики плачут. Кричат как дети, испуганные и дрожащие.

Малышу Гарри было очень жалко кроликов, он хотел всех взять с собой, чтобы кормить и играть с ними. Но Хэлли терпеливо объяснила ему, что мертвец не может кормить кроликов и играть с ними. А без еды Гарри скоро умрет, как и все остальные. Она поставила точку в разговоре, твердой рукой свернув кролику шею. Затем сплела сеть из шелковой юбки, купленной в Бирмингеме, – лучше не вспоминать, что она вытерпела, чтобы заработать на эту юбку. Собственно, тем же способом она заработала и на дорогу до Бостона. Человек, который тогда увивался за ней, готов был платить даже за то, чтобы коснуться ее. Когда он получил свое, а она – свое, ей в голову вдруг пришла мысль о новом мире, который ждет ее, о девственных лесах, где высокие деревья укрывают тебя, где небо так близко, что кажется, вот руку протяни – и коснешься.

Уильям Брэди расхохотался над очередной затеей жены. Он сказал, что женщина не может ни охотиться, ни рыбачить, что она отморозит себе пальцы, только и всего, но она ушла в заснеженное поле, захлопнув за собой хлипкую дверь, и та долго покачивалась на петлях. У нее хватило терпения поймать форель в ручье, который она решила назвать ручьем Дохлого мужа. Это была не более чем мечта, фантазия, и Хэлли с Гарри часто смеялись по этому поводу, когда рыбачили вместе.

– Сколько дохлых мужей можно поймать в ручье?

– О, одного было бы достаточно!

Жаренная на черной чугунной сковороде форель имела восхитительный вкус, несмотря на то что у них не было ни соли, ни розмарина приправить ее.

По ночам Хэлли спала рядом с Гарри. Она полагала, что ребенок нуждается в ее тепле, а не то может замерзнуть насмерть. Это было недалеко от истины – Гарри имел весьма хрупкое сложение, – но этот предлог заодно позволял ей избегать близости с мужем. Уловка сработала. Уильям Брэди был так изможден нескончаемыми хозяйственными заботами, что даже не пытался спорить и претендовать на собственную жену.

В середине зимы сугробы достигали восьми футов в высоту. Почти не оставалось дров для очага. Женщины перестали разговаривать между собой. Им нечего было сказать друг другу. Они страдали от смертельного голода. Элизабет Старр совсем поседела, хотя была еще молодой женщиной. Сюзанна Партридж, мама Гарри, напоминала привидение. Мужчины уже затруднялись вспомнить, какими же такими волшебными словами Уильям Брэди уговорил их уехать из Бостона, с чего начал этот разговор. Он вроде бы сказал что-то про землю – каждый, мол, приобретет столько, сколько пожелает, сколько сможет охватить взглядом, но сейчас это никому не казалось столь уж заманчивым. Все, что они приобрели, – это землю своего порабощения. Две лошади и мул издохли, а потом были съедены, судя по всему, волками. Оставшихся двух лошадей, вороную и чалую, держали в той же хибаре, где жили сами, отгородив для них угол. Однажды ночью Хэлли почудился плач из-за лошадиной загородки, хотя она понимала,

что этого быть не может – лошади ведь не глупые кролики. Однако наутро чалую нашли мертвой.

Хэлли восприняла эту смерть как послание от ангела-хранителя: тот, кто стоит на месте, обречен. Утром Хэлли надела на себя всю одежду, какая у нее была. Натянула высокие ботинки Уильяма. Надела перчатки и закуталась в платок, который подарила ей перед отъездом из Англии жена шляпного мастера. Человек, который считал Хэлли своей вещью, ошибался, а его жена молила бога, чтобы оказаться на месте Хэлли. Она шепнула Хэлли, что тоже хотела бы отправиться в Бостон.

– Это же мои ботинки, – сказал Уильям Брэди, когда увидел свою жену в полной экипировке, готовую к выходу.

Хэлли уже усвоила, что муж щедростью не отличается.

– Ну и что? – пожала она плечами. – Ты ведь сейчас не собираешься никуда идти?

Уильям Брэди как раз предавался сожалениям о том, как промахнулся с выбором. Лучше бы сидел в долговой тюрьме, чем околевать у западного склона горы Хайтоп. У него не было никакого настроения надевать ботинки и выходить на мороз, чтобы умереть от холода.

– Вообще-то не собираюсь, – соглашаясь, кивнул он. – Больно надо куда-то идти. Лучше уж помереть, сидя на месте.

Она сняла с полки ружье. Женщины в один голос заявили, что она сошла с ума, что она замерзнет раньше, чем дойдет до поля, но она ответила – плевать. Лучше она умрет, пытаясь выжить, чем сдастся, как все они. Шел снег, и завывал ветер. Да, мороз стоял сильный, но, едва выйдя из хижины, Хэлли почувствовала себя лучше. Одиночество давало огромное облегчение. Она возненавидела людей, которые пришли вместе с ней сюда, в Беркшир. Ничтожные и трусливые, они готовы добровольно лечь в могилу. Хэлли не сразу заметила, что Гарри выскользнул за ней и идет по ее следам, подпрыгивая и стараясь попадать след в след.

– Ступай обратно, – приказала Хэлли.

Гарри решительно потряс головой. Он постоянно думал об этих кроликах, которых они ловили, убивали и варили в большом чугунном котле, о том, какие же они вкусные, если их есть, закрыв глаза и воображая, что это не кролик.

– Ладно, – согласилась Хэлли. – Только не отставай.

Они пересекли поле и вошли в лес. Среди деревьев идти было легче. На сосновых лапах лежали большие снежные шапки. Хэлли и Гарри шли по ежевичнику, где сугробы пониже. Их окружали белизна, тишина и покой. По стволу взбежала белка. Хэлли прицелилась и выстрелила, но промазала. Только шапка снега посыпалась с дерева.

С наступлением сумерек они заблудились. Это был тот самый час, когда по небу разливались чернила, темноту прочерчивали хлопья снежинок – начинался снегопад. Хэлли обмотала голову малыша Гарри своим платком, и он стал похож на маленькую старушку, а не на испуганного шестилетнего мальчика. Хэлли смотрела на бесконечную вереницу снежинок и столь же бесконечную вереницу деревьев. Ей было всего-то восемнадцать лет. Она подумала, что когда снова вернется сюда, то назовет этот лес лесом Дохлого мужа. Вряд ли такое название покажется ей очень смешным. Просто она порадуется тому, что осталась жива.

Загорелась, задрожала звезда. Невероятно, ведь еще не до конца стемнело. Хэлли взяла мальчика на руки и понесла в сторону дрожащего огонька. Она думала о пути, который народ Израиля проделал через пустыню. Она решила, что от нее требуется одно – просто ставить одну ногу в тяжелом, чересчур большом ботинке мужа перед другой ногой, и все. Таким образом ноги привели ее к горе Хайтоп, на поверхности зубчатых обрывов которой проступала блестящая слюда. Каждый кусочек слюды был как звездочка. Спасение есть чудо, эта истина справедлива во все времена. У подножия горы обнаружилась пещера. Хэлли подумала о манне небесной, о том, что человек должен быть готов принять ниспосылаемые ему дары. Без всякого страха, не ожидая опасности, она вошла в пещеру. Хэлли сделала свой выбор. Что бы ни было,

она не жалела о том, что ушла из шляпной мастерской в Бирмингеме, и не хотела бы снова выдергивать перья из павлинов и голубей и уклоняться от внимания хозяина.

Гарри устал и замерз. Он заснул у нее на плече. Это оказалось очень кстати. Он не увидел медведя, который лежал в пещере. Хэлли замерла. Она прерывисто дышала. У нее было две возможности: выйти из пещеры обратно под снег и ветер и замерзнуть вместе с Гарри или лечь рядом со спящей медведицей и согреть их иззябшие тела. Хэлли выбрала второе. Большая медведица казалась мертвой, хотя посапывала. Она не пошевелилась и не открыла глаз. Рядом лежали два детеныша, один мертвый, другой живой, он сосал молоко.

Хэлли приложила Гарри Партриджа к соску медведицы и велела ему пососать молока. В полусне он послушался и снова заснул. Медвежонок пискнул, толкнул прищельца, а потом снова принялся сосредоточенно сосать. Хэлли тоже подкрепилась медвежьим молоком. Она никогда не пробовала ничего сытнее и вкуснее. Медвежье молоко согрело ее до глубины души. Пока Гарри, медведица и медвежонок спали, Хэлли стояла у входа в пещеру и смотрела. Снежинки плавно кружились в воздухе, и мир вокруг казался сказочным. Хэлли ощутила присутствие волшебства. Казалось, вот-вот что-то должно случиться.

Она принесла мертвого медвежонка в лагерь, волоком притащила по снегу замерзшую тушку. Это было тем более нелегко, потому что она несла спящего Гарри, перебросив его через плечо. Она была гораздо сильнее, чем казалась с виду. Только не стала помогать, когда свежесвали тушу и готовили мясо. Она стояла снаружи и смотрела на гору. Она ненавидела этот дом и этих людей. Она ненавидела их слабость и их жадность. Гарри проснулся и вышел постоять рядом с ней. Их приключение он помнил смутно – только то, что они заблудились, а потом нашли дорогу домой.

Собравшись в пещеру в следующий раз, Хэлли позаботилась о том, чтобы Гарри не увязался за ней. Она любила его как родного сына, но не хотела, чтобы он проболтался о пещере. Хэлли прихватила ведро для молока. Остальным она соврела, что встретила в лесу заблудившуюся корову, а они от голода поверят любой глупости, какую бы она ни сказала. Ей не хотелось, чтобы эти кретины нашли пещеру и убили спящую медведицу с медвежонком.

Она взяла ружье, и теперь уже никто не сказал, что женщина не создана для охоты. В лесу ее насторожил какой-то шум. Невольно подумалось про волков. Недалеко от пещеры у нее перехватило горло от увиденного, страх не улетучился и когда она все разглядела как следует. Какой-то человек, насвистывая под нос, разбивал лагерь, ставил палатку. Хэлли пришлось иметь дело с такими типами. Она вскинула винтовку и взвела курок. Незнакомец обернулся, услышав щелчок. Это был охотник, который проверял капканы. Он поднял руки вверх и крикнул что-то по-французски – этот язык Хэлли узнавала, но не понимала. Он потянулся к подставке, которую выложил из камней, на ней он разложил свое имущество. Незнакомец вытащил несколько освежеванных кроликов и предложил ей. «Pour vous, – сказал он. – Ici». Как будто она могла понять его. Но она догадалась, что он имеет в виду. Кролики обеспечат их пропитанием не на один день. Хэлли подошла ближе. Она чувствовала себя как зверь, привлеченный запахом крови. У нее с головы соскользнул платок. Только тут охотник сообразил, что перед ним женщина.

Хэлли взяла кроликов. Она не считала, что можно брать что-то просто так, даром, и протянула охотнику свое обручальное кольцо. Она так исхудала, что все равно оно рано или поздно соскользнет с пальца и потеряется.

Заметив озадаченный взгляд охотника, она сказала:

– Бери, бери. Это чистое золото. А теперь уходи отсюда.

Она замахала руками, пытаясь объяснить ему, чего хочет. Она чувствовала, что должна встать на защиту – не людей в холодной деревянной избушке, а медведей в пещере.

– Иди, иди, откуда пришел. Здесь нельзя ставить палатку.

Мужчина кивнул. Его звали Флинн. По-французски он заговорил потому, что в эти горы чаще всего приходили охотники из Канады, и он подумал, что Хэлли тоже оттуда. Сам-то он был из Олбани и прекрасно понимал каждое слово Хэлли.

Он сделал вид, что уходит, а сам спрятался за соснами. Скрытый их ветвями, он проследил, как Хэлли зашла в пещеру, а потом вышла с ведром молока. Им овладело любопытство. А еще он был возбужден, несмотря на мороз и странность происходящего. Он ощутил смутное влечение к этой незнакомке, то влечение, какое мужчина может испытывать по отношению к женщине, которую видит впервые в жизни.

Мужу Хэлли скажет, что кольцо, наверное, соскользнуло с пальца, когда она доила корову, которая – Хэлли поклянется в этом – повстречалась ей в лесу. Только стоя в расщелине рядом с замерзшим водопадом, который Хэлли называла водопадом Дохлого мужа, Флинн проверил кольцо на зуб, чтобы понять, из чего оно сделано. Кольцо и точно было золотое.

Охотник подстерег Хэлли и пошел следом за ней. Она обернулась и спросила, что он задумал, вместо ответа он обнял ее и притянул к себе. Он начисто забыл про свою жизнь в Олбани. Хэлли не походила на других женщин. Она поддавалась искушению. Но прежде, чем он овладел ею, она взяла с него слово, что он никогда не убьет медведицу. Он рассмеялся, но Хэлли настаивала. Она уже вошла в его палатку и снимала пальто, что ему оставалось делать? Просьба была дурацкая, и он, как дурак, дал слово. Он проник сначала к ней под одежду, потом в ее тело. Когда все было кончено и он откинулся на спину, Хэлли встала и ушла. Умиротворенная, подошла она к горе. Медведица-мать спала в пещере. Медвежонок, ковыляя, подошел к Хэлли и свернулся калачиком. Он запомнил ее и поджидал. Она погладила медвежонка, спела ему песенку и на время забыла обо всем, что с ней было и что ей еще предстоит. Вполне понятно, что Флинн испытал укол ревности, когда Хэлли покинула его. Повернувшись, он увидел ее спину и подумал: кого же она любит на самом деле?

Той зимой Хэлли Брэди спасла своих спутников от голодной смерти. Но вместо благодарности они, похоже, прониклись страхом, стали бояться ее, словно каждый из них был всего лишь человеком, а она – больше чем человеком. Женщины при ее приближении обрывали разговор. Мужчины откровенно сторонились Хэлли, и ее собственный муж в том числе. Но это не огорчало Хэлли, она не расстраивалась. Наоборот, при любом удобном случае старалась избавиться от их общества. Ее жизнь теперь протекала у горы. Хэлли нашла место, где могла укрыться, где иное царство кажется близким – вот только руку протяни. Скоро она и в темноте могла отыскать дорогу к горе.

Когда Гарри исполнилось семь лет, Хэлли испекла ему на день рождения пирожок из кукурузной муки и медвежьего молока. Весна была на подходе. Снег начал подтаивать, и на проталинах появилась болотная капуста – вполне съедобная, если варить ее подольше, а поднося ко рту, зажимать нос. В реке под истончившимся льдом вывелись молодые угри, их готовили в собственной коже, и мясо получалось очень нежным. На болоте – Хэлли назвала его болотом Дохлого мужа, о чем по секрету сообщила Гарри, – показались первые побеги дикой спаржи.

Флинн поджидал ее сразу за вырубкой. Он никогда не подходил так близко к месту их обитания. Они встречались всю зиму, и каждый раз после соития она убегала, предоставляя ему в одиночестве дивиться ее характеру. В тот день Флинн сказал, что медведи начали пробуждаться от спячки. Это значит, ему нужно возвращаться в Олбани, где у него – он только сейчас признался в этом Хэлли – осталась жена. Он любит Хэлли, по-настоящему любит, но ведь в горах можно только охотиться, жить он здесь не может. Хэлли прекрасно понимала, что Флинн не вернется к ней. Олбани очень далеко, а для того, чтобы ставить капканы, есть много мест и получше здешних. Хэлли не взглянула на него, когда он прощался. Она уже знала, что внутри у нее происходит что-то необычное. Но чего ради умолять его остаться? Оглядываясь назад, на зиму, которую они провели вместе, она понимала, что будет очень скучать.

Ночью Хэлли юркнула под одеяло к мужу. Он удивился, но не отверг ее. Хэлли надеялась, что Гарри в другом конце избушки не услышит, как хрюкает ее муж, но была рада, что шум, произведенный Уильямом, заставил Элизабет Старр высунуться с чердака, где она спала с супругом. Хэлли уповала на то, что одного раза будет достаточно, чтобы никто не сомневался в отцовстве Уильяма Брэди, когда на свет появится ребенок.

Хэлли еще раз сходила в пещеру. Повсюду виднелись следы и лужицы крови. Хэлли села и заплакала. Медведицу-мать убили прямо на пороге ее убежища и тут же содрали с нее шкуру. На земле валялись обломки костей. Хэлли чувствовала – ее сердце разбито. Она, как дура, поверила обещанию Флинна. А он – лгун, как и большинство мужчин. Всю зиму она прилагала нечеловеческие усилия, чтобы дожить до весны, а сейчас ей хотелось вернуть зиму навсегда. Уходя, Хэлли заметила другие следы – они вели прочь из пещеры, – следы медвежонка, который где-то бродит один. Она опустилась на колени, благодарная за то, что медвежонок остался жив.

Хэлли с головой ушла в работу, надеясь, что так будет меньше горевать о медведице. Остальные последовали ее примеру и стали проявлять не меньшее трудолюбие. Они сбросили с себя уныние и все лето работали не покладая рук. Скоро у всех на ладонях появились кровавые волдыри. Том Партридж оттыпал себе топором большой палец, но и это не убавило его пыл. Люди чувствовали прилив сил просто оттого, что остались живы. Каждое утро, встречая первые лучи солнца, они радовались своему счастью, вспоминали, сколько раз могли умереть.

К ноябрю, когда родились близнецы, каждая семья уже обзавелась собственным домом. Новые дома выстроились вокруг зеленого участка, который Хэлли и Гарри окрестили парком Дохлого мужа. Новорожденная дочка Хэлли была красавицей, с голубыми глазами и кожей, которая светилась здоровьем, а мальчик родился очень слабеньким. Казалось, у него не было сил дышать. Он не открывал глаз. Хэлли сразу поняла, что он не жилец на свете. Он прожил всего неделю. Хэлли настояла, чтобы его похоронили за домом, в саду, который она начала разводить летом, – так она будет знать, что мальчик рядом. После похорон Хэлли осталась в саду. Она не поддавалась на уговоры. Никто не мог зазвать ее в дом, даже Гарри. Она не взяла на руки дочку, не проглотила даже маковой росинки. Хэлли закуталась в платок, который перед отъездом из Англии подарила ей жена шляпника. На ногах были кожаные ботинки мужа, те самые, что она надела, впервые отправляясь в лес, поняв: ее путь – это путь пилигримов, которых не ведет никто, кроме собственной судьбы.

Весь день она промолчала, а вечером из сада послышался плач. Сюзанна Партридж зажала Гарри уши, потому что при каждом вскрике он тоже начинал плакать. Рэйчел Мотт сама недавно родила ребенка, поэтому взяла дочку Хэлли к себе и накормила ее. Она же дала девочке имя, потому что больше никто об этом не позаботился. Рэйчел назвала девочку Жозефиной, в честь своей матери.

Однажды вечером Гарри Партридж выглянул из окна в сад, который превратился в кладбище. Хэлли была там не одна. С ней был медведь. Гарри протер глаза. Вообще-то было уже поздно и очень темно. Тьма стояла кромешная, поднимался ветер. Гарри вспомнил тот случай, когда он принял за медведя, забравшегося на дерево, всего-навсего беличье гнездо. Он вспомнил, как долго все смеялись над ним, и отец тоже. Все это пришлось не по душе Гарри. Он винил себя за то, что их поселению дали такое название. Каждый раз, когда кто-нибудь производил «Медвежий поселок», он думал, что это дразнят его. Он мечтал, чтобы место называлось как-нибудь по-другому, Нью-Бостон хотя бы. Это название не напоминало бы ему, каким он выказал себя дураком.

Гарри часто думал о том дне, когда он продрог до костей, три дня не ел твердой пищи и побежал вслед за Хэлли Брэди, потому что она одна, казалось, верила в завтрашний день. Тогда ему приснился сон про медведя. Медведь согрел его, накормил, спел песенку и велел никому ни о чем не рассказывать. Медведь пообещал ему, что все будет хорошо.

Кровать Гарри стояла внизу, возле очага, а родители спали наверху. Гарри подумал, что все увиденное в саду возле дома Брэди больше похоже на сон, поэтому самое лучшее – побыстрее лечь на матрас, набитый поздним летним сеном. И все же он волновался за Хэлли Брэди, которая сейчас одна там, с медведем, в темноте. По правде говоря, он хотел бы, чтобы Хэлли была его мамой. Его мама боится всего – грома, метелей, медведей. Хэлли же, он был уверен, почти ничего не боится.

Проснувшись наутро, Гарри задумался – на самом ли деле к дому Брэди приходил медведь или ему померещилось? Может, ему следовало броситься на помощь Хэлли или по крайней мере позвать взрослых? Он боялся взглянуть в окно – вдруг увидит там кровь и кости. Когда же отважился выглянуть, увидел только прямоугольник высокой травы, который отмечал свежую могилку. Хэлли Брэди в саду не было. К ней вернулись силы. Она пошла к Рэйчел Мотт, забрала свою дочку и дала ей другое имя – Беатрис, так звали ее маленькую сестренку, которая умерла при рождении, – но все продолжали звать девочку Жозефиной.

Тем вечером Гарри Партридж украдкой вышел из дома. Мать наказывала ему с наступлением темноты никогда не выходить одному, но он ослушался. Холодало. Небо было темно-синим и ясным. Все разноцветные листья с деревьев уже опали, осталось только немного коричневых. Лед начал затягивать реку и пруд, который Хэлли и Гарри называли озером Дохлого мужа. Белки устраивали гнезда высоко на деревьях – верная примета, что зима будет холодной.

Гарри постучался, Хэлли крикнула «входите», и он вошел. Сидя на стуле, она укачивала дочку, не отрывая глаз от прелестного личика девочки. Уильям Брэди уже поднялся наверх и спал. Прошедший год дался нелегко. Он на всех наложил свой отпечаток.

– А она хорошенькая, – сказал Гарри как можно вежливее. Он понятия не имел, как положено вести себя детям – ведь брать пример ему было не с кого. Думая о себе, он представлял себя совершенно взрослым человеком, только маленького роста и лишенным привилегий взрослого. Например, мать не давала ему ружье. И не разрешала скакать верхом.

– Да, она славная, – отозвалась Хэлли. – Ее зовут Беатрис.

– А я думал – Жозефина. – Гарри растерялся. Он всегда терялся в присутствии Хэлли. Как будто вот-вот должно что-то случиться. От этого предвосхищения ему было и радостно, и страшновато.

– Нет, Беатрис, – твердо сказала Хэлли.

Гарри сел на пол, хотя в доме появилась новая мебель, купленная у бродячего торговца из Ленокса. Уильям больше не бедствовал. Он первым начал делать разные дорогостоящие изделия из кожи угря – сначала ремни, потом бумажники, теперь вот ботинки. Очень красивые, непромокаемые, они стоили больших денег. Другие мужчины последовали его примеру, точно так же, как они последовали за ним в необжитые земли Массачусетса. Торговцы из Ленокса, Олбани и Стокбриджа с руками отрывали отменные кожаные вещи, которые потом втридорога перепродавали в Бостоне.

Благодаря угрям Партриджи смогли позволить себе корову, супруги Мотт – цыплят и коз, чета Старр – овец и новый амбар.

– Мне иногда снятся медведи, – ни с того ни с сего сказал Гарри. Он посмотрел на Хэлли, ожидая ее реакции.

– Медведи снятся к добру, – ответила она.

– Правда?

– Да, это очень хороший сон.

Хэлли положила дочку в люльку, которую смастерил для нее Джонатан Мотт. Супруги Мотт настроились растить девочку, потому что Хэлли после смерти сына не проявляла к дочери никакого интереса. Они даже немного огорчились, когда Хэлли пришла забрать ребенка.

– Не подходи к моему дому, – заявила Хэлли, когда Рэйчел Мотт попыталась возразить и оставить девочку у себя. – Даже не вздумай.

Девочка заснула, и Хэлли подошла к холодильнику за индийским пудингом, который приготовила для Гарри. От него пахло черной патокой и медом. Было так вкусно, что Гарри мог проглотить хоть сто мисок. Но он не успел съесть даже половины, как услышал голос матери, звавшей его. Она проснулась и не обнаружила его на кровати возле очага. Теперь, скорее всего, она не пустит его утром с отцом на охоту. Скажет, что он плохой, непослушный мальчик.

Гарри поднес ко рту ложку кукурузного пудинга. Хэлли напевала песенку. Ее лицо было спокойным и милым. Глаза при свете очага блестели.

Мать Гарри уже пришла за ним, она стучала в дверь. Сейчас ему придется уйти.

– А тебе когда-нибудь хочется, чтобы у тебя была другая жизнь? – спросил Гарри.

Хэлли Брэди кивнула. Она смотрела прямо на него.

– Всегда хочется.

Шестнадцать лет спустя в Беарсвилле поселились еще десять семей, большинство из Бостона, только пастор был из Нью-Йорка, прибилась и еще одна пара по фамилии Келли – они заблудились во время снежной бури, как в свое время, много лет тому назад, основатели города. Семья Келли сначала жила у Моттов, а потом решила построить дом возле ручья, потому что Клемент Келли был рыбаком. В месте, которое стало центральной площадью города, вырыли колодец, выложили его черной слюдой, люди любили собираться здесь, посу-дачить. И все-таки их город пока мало походил на город. Когда умер Уильям Брэди после лихорадки, лишившей его способности двигаться и даже есть, на его похороны пришли тридцать семь человек – они составляли все население города. Пастор, Джон Джейкоб, произнес речь, Хэлли говорить отказалась, а Жозефина прочитала посвященное отцу стихотворение, которое сочинила сама. Она была мечтательной шестнадцатилетней девушкой, которая не унаследовала от матери инстинкта выживания. По сути, она являлась мишенью для жестокого мира. Ее часто кусали пчелы – потому что она сладкая, объясняла ей мать. Кроме того, Жозефина была очень талантлива – она одна во всем городе умела писать стихи. Когда она закончила декламировать, не осталось ни одного человека, у которого не увлажнились бы глаза, хотя поселенцы не слишком любили Уильяма Брэди. Он был нелюдимым молчуном, предпочитал в одиночестве возиться с кожей угря и своими инструментами.

Теперь в городе, как и положено, было настоящее кладбище. Осенью умер третий сын Моттов, как-то зимой замерз бродячий торговец – никто не заметил, как он вошел в город и остановился в гостевом доме, где было так холодно, что пол покрылся льдом. На долю супругов Старр выпало много горя. Байрон и Элизабет похоронили двоих из шестерых детей: Константин, Пэйшенс, Фир и Лав¹ выжили, Консидер² умер от лихорадки в возрасте двух лет, а Реслинг³ четыре дня пытался пробиться на свет, и его дух покинул тельце раньше, чем оно родилось.

Наличие кладбища – неоспоримое доказательство того, что город существует. Кладбище находилось на дальнем конце поля. Когда хоронили Уильяма Брэди, был весенний день. В траве мелькали жаворонки и ласточки. Под ветвями с набухшими почками белела пыльца, разносимая ветром. Жозефина Брэди шла за телегой, на которой везли сосновый гроб отца. Мать шла позади вместе с женихом Жозефины, Гарри Партриджем.

– Теперь это на самом деле поле Дохлого мужа, – шепнула Хэлли юноше, своему будущему зятю.

– И правда! – откликнулся тот.

---

¹ Постоянство, терпение, страх и любовь. (Здесь и далее прим. пер.)

² Благоразумие.

³ Борьба.

Они заговорщицки переглянулись. Гарри часто вспоминал первый год их жизни в этих краях, когда всему вокруг требовалось давать имена.

Услышав, что они перешептываются, Жозефина оглянулась.

– О чем вы? – спросила она.

– Так, ни о чем, Би, – ответил Гарри.

Би, «пчелка» – это прозвище, которым Жозефину называли мать и жених. Жозефина полагала – потому что ее часто жалят пчелы. Она позабыла, что ее имя Беатрис, никто в городе так ее не называл, только мать всегда звала дочку Би. Люди полагали, что Жозефина, стройная и гибкая девушка с длинными светлыми волосами, молода и наивна, но она знала много больше. Она знала, например, что Гарри Партридж – лучше всех мужчин к западу от Хайтопа, а еще она знала, что ее родители любили друг друга не такой любовью, какую она хотела бы себе. Зимой ее мать часто уходила на гору. Иногда она отсутствовала по нескольку дней.

– Не спрашивай ее, куда она ходит, потому что она все равно не скажет тебе правду, – посоветовал как-то отец, Жозефина и не спрашивала.

Ее мать была необычным человеком, спокойная и сильная, очень замкнутая. Она прекрасно могла выжить в любой глуши, а когда-то весь мир вокруг был глушью. Жозефина не сомневалась – матери хорошо, когда она одна, даже в горах. Самым странным в матери был взгляд, которым она смотрела в окно – словно есть где-то другой мир, куда она хочет попасть, другая жизнь, которую она хочет прожить.

После смерти Уильяма Хэлли ушла, и ее не было несколько недель – дольше, чем обычно. Когда она вернулась, Жозефина уже наполовину сшила свое свадебное платье. Ей помогала миссис Мотт, у которой не было своих дочерей. Жозефина не понимала: если свадьба дочери – радостное событие, то почему ее мать выглядела счастливой лишь до той минуты, пока не переступила порог родного дома.

Свадьбу отпраздновали в саду. Там по-прежнему покоилось тело брата-близнеца Жозефины. Хэлли отказалась переносить останки на кладбище и, как прежде, много времени проводила в саду. Всякий раз, когда мимо проходил разносчик, она покупала семена цветов и растений. Однажды она отправилась в Олбани и привезла саженцы трех розовых кустов, доставленных аж из самой Англии. Ей нравились цветы, что она видала в садах богатых домов в Бирмингеме, мимо которых девочкой ходила в шляпную мастерскую. Любила она и местные растения, встречавшиеся в горах: пятнистые, как форель, лилии, лесные фиалки, папоротник.

На Жозефине был венок из маргариток, дополнявший белое платье. Она была первой и самой прекрасной невестой за всю историю города. После свадьбы Гарри переехал в дом Брэди. Этот дом всегда нравился ему больше собственного, и весь год он трудился над пристройкой для себя и своей жены. Теперь город окружали возделанные поля, и Гарри со своим отцом Томом выращивали кукурузу, пшеницу, бобы. Излишки урожая возили в Ленокс и Амхерст. Границы своих угодий они обозначили каменным бордюром – гальку таскали с берега реки, спину ломило от тяжести, но их окрыляла гордость за все, что они отвоевали у целины. Этот край больше не походил на тот, куда они пришли много лет назад: тогда человеку нигде было укрыться, кроме как под высокими соснами. И все же Гарри иногда вспоминал их первый год в диком краю, и в этих не то воспоминаниях, не то снах не было ни голода, ни холода. Только сосны и белизна.

Это случилось в августе, когда поля высохли от жары. Приближалась середина месяца, дождя не было уже много недель. Стояла такая жара, что люди плавали в реке, несмотря на угрей и опасные водовороты. Гарри Партридж от изнуряющей жары не мог спать. Однажды ночью он подошел к задней двери в надежде глотнуть прохладного воздуха. Тогда-то он и увидел их в саду. Хэлли Брэди с медведем. Медведь постарел. А Хэлли Брэди издали выглядела так же, как много лет назад, когда они вдвоем с Гарри давали имена ручьям и водопадам, когда

на каждом шагу их ожидали тайны и чудеса, когда каждый луг, каждую речку и каждый сугроб нужно было приручить.

Гарри не стал предаваться ни грезам, ни размышлениям. Он сбегал за винтовкой, которая висела над очагом, выскочил на улицу и выстрелил. Он сделал это не думая, повинаясь инстинкту охотника, но по сути-то он им не был. Позже, вспоминая эту минуту, он чаще всего видел лицо Хэлли, а на нем – выражение нежности и безмерной печали. В ту минуту он понял все, что дано человеку понять о любви. Он испугался, почувствовал себя ничтожным и осознал, как мало он понимал.

Соседи, услышав выстрел, высыпали из своих домов на улицу. Хэлли Брэди исчезла. Она убежала в лес, ее платье было окрашено кровью. Горожане снарядили поисковый отряд из числа людей, которые хорошо знали окрестности горы Хайтоп, но Хэлли не нашли. Медведя хотели освежевать, а мясо и шкуру пустить в дело, но Гарри запретил. Он собственноручно вырыл в саду могилу. Лопатой он стер ладони в кровь. Он привязался к Хэлли, будучи еще ребенком, и, конечно, хотел сам заняться похоронами медведя. Люди закрыли окна, легли спать и выбросили эту историю из головы. Но рыдания Гарри они не могли не слышать. Вернувшись наконец в дом, Гарри вынул из ружья курок. Больше он никогда не возьмет в руки ружье.

Прошел не один день, прежде чем Жозефина поняла, что ее мать никогда не вернется. Прошла не одна неделя, прежде чем она перестала смотреть в окно на гору Хайтоп. Жозефина никогда не спрашивала мужа, почему он убил медведя или почему убежала ее мать. Она не задавала ему вопросов и позже, когда после долгих лет брака, вырастив двоих дочерей, Гарри вдруг решил выставить свою кандидатуру на пост мэра города. Первым указом он поменял название города. Вторым указом учредил в середине августа ежегодный праздник в честь Хэлли Брэди. Некоторые полагали, что это день рождения основательницы города, но это было всего лишь начало черничного сезона, времени, когда люди, знающие эти места, держатся подальше от горы Хайтоп, предоставляя ее в распоряжение медведей.

Восемь ночей любви 1792

Дерево жизни росло в центре Блэкуэлла. Люди говорили, что, если в пору цветения встать под его ветками, можно испросить прощения за свои грехи. В течение десятилетий городской закон запрещал наносить дереву урон, но по ночам люди срезали ветки. Они тайком сажали отводки у себя во дворах, кутая нежные побеги мешковиной, чтобы защитить их от холода. Эти кражи имели целью обеспечить городу будущее – считалось, что город будет жить, пока живо Дерево жизни. Случись так, что первое дерево погибнет от удара молнии или от набега жуков-короедов, его место займет какой-нибудь из молодых саженцев. Со временем яблоки с этих запасных деревьев, яблоки, подобные тому, которое ввело в соблазн Адама и Еву, стали называть блэкуэлльским приворотным плодом. Стоило человеку, приехав в Блэкуэлл, попробовать этих яблок, как у него пропадала охота куда-либо уезжать. И пусть тебя манит целый мир, ты все равно будешь полностью счастлив только в этой маленькой массачусетской долине.

Немногие видели того человека, который в день своего приезда в Блэкуэлл посадил первое Дерево жизни. Его звали Джон Чапмэн, он появился в Блэкуэлле вместе со сводным братом Натаниэлем. Джону было восемнадцать лет, а Натаниэлю всего одиннадцать. Скромные и серьезные, они оба казались старше своих лет. Они покинули родной дом ради ночевки в чистом поле, под звездами. Джон работал помощником в яблочной оранжерее, и в этом сказался божий промысел. У Джона была своя идея насчет свободы, она пришла к нему во сне, а потом просочилась в дневную жизнь. Он избегал вещей, сделанных руками человека, и тяготел ко всему нерукотворному и природному. Он верил, что всякая тварь одинаково дорога богу, все является плодом божественной любви и мудрости. Человек и зверь, насекомое и дерево – везде запечатлен лик Творца. Джон читал трактаты Сведенборга, христианского мистика, и представление о благом деянии как проявлении божественного начала находило в его душе глубокий отклик.

В Леоминстере, где родился Джон, улицы были грязны. Соседи терпеть не могли друг друга и постоянно враждовали между собой. Многие умирали в молодости. Ребенком Джон видел, как мужчина застрелил на дороге свою жену. Джон видел собак, привязанных к деревьям и оставленных умирать голодной смертью, и детей, брошенных родителями. Он мечтал засыпать на траве под стрекотанье сверчков. Он грезил о тех временах, когда человека окружали деревья, а не дома. В отличие от человека каждое дерево безгрешно, особенно те деревья, которые приносят, по мнению Джона, дары небесные, – яблони. Сок яблок, перебродивший, переработанный в сидр, становится почти священным. Этот напиток способен перенести человека за пределы собственного тела, в мир, куда более близкий к богу. Имелось в виду не опьянение – не оно является целью, – а экстатическое состояние.

Джон и Натаниэль легко одолели гору Хайтоп. Они были молоды, полны сил, окрылены верой. Каждый нес на спине по мешку и по отводку яблоневого дерева – старейшего дерева в их городе, которое срубили, чтобы расширить главную дорогу. В тот день Джон и решил уйти на запад. Когда он смотрел, как в его родном городе отрубают от старого дерева шишковатые сучья, что-то внутри него дрогнуло и побудило свернуть с пути, которым идет большинство. Он томился по царству божьему на земле, и оно явно не имело ничего общего с Леоминстером. Когда Джон вышел за порог, сводный брат последовал за ним.

Стояла как раз та самая пора, когда после зимней спячки просыпаются медведи, снег тает, а воздух будоражит. Человека может привести на грань экстаза просто сон в этих горах, нарушаемый эхом вод Угорьной реки. С площадки на вершине слюдяной скалы можно было

разглядеть внизу город Блэкуэлл. Это был как раз тот город, который нуждался в дарах небесных.

Джон Чапмэн был высоким, худым и мало спал. У него были длинные темные волосы, которые он поклялся никогда больше не стричь. Худое лицо казалось прекрасным, хотя он считал, что муравей гораздо красивей его, а черная змея куда удивительней. Пускаясь в путь на запад, он принял решение как можно меньше соприкасаться с творениями рук человеческих. Божество было в каждом живом существе, и в нем самом тоже. Чем ближе к природе, тем ближе к небесам. Он носил одежду из домотканой материи, а обуви не носил вообще. Он шел через поля, и его возбуждение все росло. Почему-то он совсем не ощущал холода – возможно, потому, что его согревали мысли.

Джон склонился над братом и потряс его, чтобы разбудить. Они позавтракали, заварив чай из медвежьих ягод и мяты и потушив узорчатые листья папоротника на единственной сковороде, которая у них была. Джон поклялся никогда не есть живых существ и не причинять им боли. Ему нравилось ощущение легкости в голове, которое возникает от столь простой трапезы. Он был уверен в себе и без колебаний вел Натаниэля сначала по горному спуску, потом через поле, которое местные жители называли Мужниным лугом, летом он пестрел саррацениями и черноглазыми гибискусами (Susan).

Городок был совсем маленький. Небо пока оставалось темным, только жемчужно-серые полосы разрезали его. Мужчины семейства Старр уже вышли на пастбище, что на другом берегу Угорьной реки. Гарри Партридж отправился рыбачить, Мотты занимались рубкой деревьев, чтобы расширить маленький молитвенный дом. Единственным человеком, который видел, как братья Чапмэны появились в городе, была Минетт Джейкоб, которая направлялась через луг к большому дубу, чтобы на нем повеситься, конец прочной веревки свисал с ее руки.

Трава шуршала у нее под ботинками, цеплялась за подол длинной юбки. Минетт была бледной, с копной черных волос. У нее было больше сходства с Партриджами, чем с Брэди, те отличались рыжими волосами и независимым нравом. У нее не было ничего общего с набожными Джейкобами, в семью которых она вошла, если не считать того, что их сын являлся ее мужем.

Минетт готовилась к этому ужасному поступку тщательно, заранее наметив час, когда наконец-то окажется на Мужнином лугу одна и сможет покончить счеты с жизнью. Увидев путников, приближавшихся к ней, она остановилась. Сердце екнуло. Она понимала, что самоубийство является богомерзким делом, но ей было все равно. Она потеряла мужа, Уильяма, он умер от кори, и новорожденного ребенка. Еще через две недели ее любимая сестра, Люси Энн Партридж, всего-то шестнадцати лет от роду, тоже отправилась в мир иной. Минетт не видела смысла жить дальше. В девятнадцать лет она осталась на белом свете одна. Она не спала пять ночей и ничего не брала в рот. Жизнь проходила как в тумане, но сейчас у нее в глазах прояснилось. Она увидела, как по высокой траве идут мальчик и юноша, и вмиг поняла, что это ангелы, посланные к ней. Не сходя с места, она рухнула на колени.

Когда они подошли, Минетт так и стояла на коленях с закрытыми глазами, еле слышно шепча молитвы, готовая принять удар карающего небесного меча.

– Чего она хочет? – шепотом спросил у старшего брата Натаниэль.

После того как они покинули Леоминстер, мир открыл свои новые, незнакомые стороны. Натаниэль был еще достаточно мал, чтобы верить, что все на свете имеет свое объяснение, а у Джона объяснение было только одно: везде бог. Солнце в тот день светило ярко. В воздухе вились черные мухи, в траве гудели шмели.

– Она хочет, чтобы ее пожалели, – ответил Джон.

Он увидел в руке у женщины веревку и понял, что это божественное мгновение, которое навсегда изменит и его, и ее жизнь.

Он опустился на колени рядом с ней и взял ее ладони в свои. Веревка выскользнула из ее руки в траву, свилась там змеей. Минетт в изумлении открыла глаза. Она ожидала, что ее заживо спалит небесный огонь. Но на нее смотрели добрые, проникновенные глаза Джона Чапмэна.

– Ты сама не понимаешь, что у тебя внутри, – сказал он.

Он был младше ее, но говорил уверенно, как старший. Минетт и в самом деле считала, что внутри у нее ничего нет, поэтому эти слова прозвучали как ответ на ее безмолвную молитву. Между ними пробежала искра, которая содержала в себе все вопросы и все ответы. Но случилось и нечто большее. Минетт показалось, будто ее вскрыли и боль, которая кровоточила у нее в груди, путник взял в свои руки. Может, ангелы именно так поступают с людьми, подумала она

Минетт стояла на коленях, пока Джон Чапмэн сажал Дерево жизни прямо тут, на лугу. В заплечном мешке у него было множество семян, которые он взял из оранжереи, где работал, а еще он принес несколько саженцев, завернутых в холстину и перевязанных веревкой, один из этих саженцев он и подарил городу Блэкуэллу.

Когда с посадкой было закончено, они сидели на траве, любовались луговыми жаворонками и попивали сидр из металлической фляжки Джона. Перекочевав из фляжки к ним в желудок, сидр вспыхнул. Пламя распространилось, достигнув груди Минетт, приняло форму полукруга, затем замкнулось в круг. Она рассмеялась от этого ощущения, и от вида жаворонков, и от того, что до сих пор жива, хотя ей полагалось уже висеть на дереве.

– Ты забыла, что мир так прекрасен! – сказал ей Джон, и она поняла, что первое впечатление не обмануло ее: он действительно ангел, он послан к ней, и, хотя она думала, что вышла этим утром из дома, чтобы расстаться с жизнью, в отношении нее осуществлялся совсем другой замысел.

Минетт привела братьев Чапмэнов в дом, который Уильям Джейкоб построил для нее в акре от дома своего отца. Большой дом принадлежал бабушке Минетт, Хэлли Брэди, основательнице города, и достраивался по частям, по мере того как росла семья. Отец Минетт после того, как умерли его жена, младшая дочь и внучка, в один миг одряхлел. Казалось, он не замечал Минетт и ее горестей. Не было ни единой души, которой она могла бы доверить свои печали, но каким-то образом этот человек, Джон, понял все, ей не пришлось говорить ни слова.

– У всех нас общий Отец, – сказал Джон. – И он знает, как мы страдаем и как нас спасти.

Минетт положила братьям Чапмэнам соломенный тюфяк перед очагом в своем доме, но они сказали, что предпочитают спать на улице, под звездами. Она накрыла им поесть, но они взяли только хлеб и мед, больше им ничего не требовалось.

– Зачем есть больше, чем нам нужно? Мы берем пример с пчел, которые трудятся во славу нашего Творца, – пояснил Джон.

В первую ночь Минетт выглянула из окна во двор и увидела братьев. Младший завернулся в одеяло, а Джон спал, окутанный лишь ночным воздухом. Весна только-только началась, и кое-где во дворе виднелись заплатки льда. Медведи еще дремали в своих берлогах. Сидя у окна, Минетт чувствовала, как в груди прибывает молоко, хотя ее ребенок умер не одну неделю тому назад.

Утром уже все в городе знали о приходе Чапмэнов. Они разбили лагерь в том конце сада за домом, где почва была необычайно красной. Братьев увидели возле колодца в центре города, они лили воду из ведра на испачканные красной землей ноги, пытаясь отмыть их. Кто-то брякнул – красные ноги бывают только у дьявола. Этот слух моментально распространился по городу. Вскоре к Минетт зашел ее отец, Гарри Партридж. Минетт пекла пирог с кленовым сиропом. Отец обратил внимание на дорожные мешки и одеяла, сложенные у садовой калитки.

– Ты приютила незнакомцев у себя в доме? По-твоему, это разумно?

– Они спят во дворе.

Минетт знала, что Чапмэны разводят на лугу сад. Они уходили на работу рано утром, еще затемно, и возвращались, когда почти все горожане уже спали в своих постелях. Они собирались засадить яблонями всю землю, чтобы она походила на океан в цвету, куда ни глянь – повсюду манна небесная, Млечный Путь, ведущий на запад.

– Они совсем еще мальчишки, – сказала Минетт отцу, но вряд ли его успокоили ее слова.

Тем вечером Минетт накормила Чапмэнов пирогом, ужинали они в саду. Братья трудились целый день. Проходя мимо кладбища, они видели надгробные камни на могилах мужа Минетт, ее дочери, сестры и матери. Перед ужином они сложили у груди руки и помолились о тех, кого больше нет. Когда Джон заговорил о встрече с ангелами в мире высшем, чем наш, Минетт заплакала впервые со дня смерти сестры. Ночью она спала с открытым окном. И спала крепче, чем весь этот месяц.

Подхватив праздную сплетню, Джейкобы стали все настойчивей твердить, что в поле работают дьяволы с красными ногами и их нужно остановить. Вскоре город пришел в возбуждение. Люди собрались в молитвенном доме и решили действовать. Придя за братьями, они обнаружили во дворе вместе с ними Минетт – она готовилась лечь спать под открытым небом, как и странники. Чапмэнам дали десять минут, чтобы покинуть двор вдовы Уильяма Джейкоба, и двадцать четыре часа, чтобы покинуть Блэкуэлл.

Юноши отправились в поле, где среди травы устроили свой лагерь. Ночь была сырая, холодная, из норы по соседству выскочили лисы, потревоженные неожиданным появлением людей. Чапмэнов не волновало, где они будут ночевать. Это волновало Минетт. Она упаковала сумку и пошла к ним. Она чувствовала себя решительной и беззаботной. Она не раз слышала историю о том, как однажды августовской ночью навсегда исчезла ее бабушка, и думала, что, наверное, тогда бабушка чувствовала себя так же, как Минетт сейчас, и ей было безразлично, увидит ли она жителей своего города снова.

Минетт надела старую черную юбку, которую не жаль было испортить. На ногах – пара старых ботинок мужа. Братья Чапмэны не удивились, увидев ее. Они с благодарностью принимали все, что преподносила им жизнь, и воспринимали каждое ее мгновение как благодать. Поужинали в поле. Свежая спаржа, папоротник, остатки пирога с кленовым сиропом. Ночью Минетт поняла, что Джон Чапмэн не спит. Когда она внезапно проснулась и с изумлением обнаружила, что лежит под звездным небом, оказалось, что Джон еще не ложился. Он сидел, сгорбившись, в траве, разгоряченный своими мыслями. Он сказал, что не нуждается в сне. Сон – это пустая трата времени, а у него слишком много дел. Минетт села рядом с ним. Они смотрели на небо, и он говорил ей, что каждое созвездие рассказывает свою историю. Среди обитателей ночного неба есть и паук, и краб, и лев.

Придя в поле на следующий день, отец Минетт увидел, что его дочь работает вместе с пришлыми, сажает семена. Лицо и руки испачканы землей. Юбка заляпана грязью.

– Тебе лучше вернуться домой. – Гарри Партриджу следовало быть жестче, но он знал, что если слишком сильно потянуть за поводок, то человек, почуявший свободу, сорвется и убежит.

Минетт тряхнула головой. Она любила отца, но возвращаться не собиралась.

Ночью, когда Натаниэль заснул, она отправилась с Джоном на прогулку. Звезды были укрыты одеялом из облаков, землю от неба отделяла тонкая завеса. Они дошли до самого подножия горы, где находилась пещера. Тут они поняли, что весна в разгаре – повсюду были признаки медведя: следы лап, поломанный кустарник. Минетт поцеловала Джона так, как никогда не целовала мужа. И побежала навстречу лунному свету. Когда она была замужем, ей не хватало времени заметить среди забот, как прекрасен мир. А может, она знала это когда-то, но забыла.

На следующий день горожане явились в поле с готовым документом, который предписывал выслать Чапмэнов из города. Джон Чапмэн встретил своих гонителей лицом к лицу. Он был

гораздо выше их всех. Он сказал, что со временем они поймут его замысел и будут радоваться тому, что он побывал в их городе. Ему нужно завершить священный труд, а потом он уйдет.

– Когда именно? – хотели знать горожане. Они были озлоблены. Будь в городе тюрьма, они бы посадили его в тюрьму. За неимением лучшего пришлось довольствоваться приказом о высылке.

– Через три дня, – ответил Джон. – Но созданное мной останется с вами навек.

Толком не осознавая, по нраву им пришлись слова Джона или нет, они все же немного поутихли и дали ему срок, о котором он просил.

Ночью Минетт и Джон снова ушли в лес и легли рядом. Джон никогда не знал женщины, и Минетт от макушки до кончиков пальцев являлась для него чудом. Она даже громко рассмеялась, так внимательно он рассматривал ее.

– Ты прекрасная и удивительная, – торжественно сказал Джон.

Он смотрел, как она раздевается, – ее муж никогда этого не делал. Она казалась себе то ли звездой, то ли травинкой.

Назавтра они работали до полудня. Потом она настояла на том, чтобы показать братьям Угорную реку, которая напилась растаявшим снегом и неслась с таким шумом, что им приходилось кричать другу другу. Они разделись донага, все трое, хотя Натаниэль поначалу стеснялся, сложили одежду на берегу и вошли в воду. Джон старался не наступить на угрей, которые обитали на мелководье. Одного он на мгновение вынул из воды, чтобы рассмотреть.

– Братец угорь, – сказал он и отпустил божье создание обратно в воду.

Минетт было одновременно холодно и жарко. Она потеряла почти всех близких и вот стоит в Угорной реке, мимо мчатся глубокие воды, солнце палит худенькие плечи. Она чувствовала, как снуют вокруг угри, древние загадочные существа, которые приспособились пережидать безжалостную местную зиму под толстой коркой льда.

Гарри Партридж пришел провести троючку во время ужина. Они развели костер, искры взлетали в небо. Гарри принес буханку хлеба, которую хозяева приняли с благодарностью, и горшок тушеного мяса, которое пришлось съесть ему одному. Гарри не обратил внимания на босые ноги и длинные волосы Джона. Воздух кишмя кишел комарами. Над полем проносились летучие мыши, они ловили комаров. Был чудесный весенний вечер.

После ужина Гарри спросил Джона Чапмэна, что тот собирается делать.

– Собираюсь превратить этот край в цветущий сад, – торжественно ответил Джон.

– Я спрашиваю про Минетт. Что ты собираешься делать с ней?

– Я хочу напомнить ей, что она живая, – кивнул Джон.

– А потом? – выдавил Гарри, он с трудом удержался, чтобы не ударить Джона.

– Потом пойду на запад, – ответил Джон.

После этого разговора Гарри отвел Минетт в сторонку. Он понял, что она еще ребенок. Он требовал от нее слишком много, а давал мало, потому что был полностью поглощен своей болью и не обращал внимания на ее боль.

– Слышала, что он сказал? – спросил Гарри у дочери. – Ты понимаешь? Он не останется здесь. Он не годится для тебя.

Минетт рассмеялась и обняла отца. Он так и не понял того, что открылось ей. Он не знает, что бесконечность можно ощутить в кратком мгновении, в капле воды, в стебле цветка, в листке яблоневого дерева.

Ночью Минетт спала в объятиях Джона, согреваемая его загадочным теплом. В юбке и волосах у нее застряли колючки. Кожа пропиталась запахом реки. Она думала об отце, который сидит дома один, тревожась о ней, думала и о своем маленьком доме, пустом и холодном. Поутру Чапмэны собрались в путь. Накрапывал легкий дождик, и Джон сказал, что это очень хорошо для семян. Через сто лет здесь будут расти сотни деревьев, и каждое будет приносить плоды. Минетт затаила дыхание, но он не позвал ее с собой. Она, впрочем, не очень удивилась.

Натаниэль пожал ей руку, пожелал всего хорошего и пообещал навестить, если когда-нибудь снова окажется в этих краях. Джон Чапмэн, как обычно, что-то напевал про себя. Дождик его не беспокоил. Мысленно он уже шагнул вперед, увлекаемый историями про Запад, которые часто слышал, думая о том, как бесконечна и неизведанна земля – и этим она воистину подобна небесам.

Под дождем пикировали жаворонки. Река бежала так быстро, что слышно было на поле. Минетт поцеловала Джона на прощанье так, как никогда не целовала мужа, и Джон поцеловал ее так, словно она была прекрасной, удивительной и живой.

В середине зимы один из мальчишек семейства Старр сломя голову прибежал в город. Дерево, которое Джон Чапмэн посадил на Мужнином лугу, расцвело. Все как один отправились смотреть, ковыляя по сугробам. Стояли сумерки, медленно падал снег. И вправду одна ветка молодого деревца покрылась белыми цветами. Это было невероятно, настоящее чудо, как и рождение у Минетт Джейкоб ребенка через десять месяцев после смерти мужа. Вот почему плоды этого чудесного дерева получили свое название «Смотри-не-верь». Вот почему Гарри Партридж, отец Минетт – они были так дружны с внуком, что мальчик, повзрослев, взял его фамилию, – поклялся никогда больше не есть яблок.

Год без лета 1816

В июне в садах случались заморозки. Одежда, вывешенная для просушки, замерзала, складки топорщились. Простыни становились твердыми, как камень. С горы Хайтоп дул по полям ветер, просачивался через щели в окнах и дверях, выстуживал жилье. Лошади в стойлах начинали волноваться, когда среди бела дня небо затягивали черные тучи. Весна выдалась небывало холодной и сухой, а с наступлением лета погода становилась только хуже и хуже. По всей стране померзли кукурузные поля, овощи были покрыты льдинками. Всюду поговаривали о том, что голода не избежать. Люди были встревожены, напуганы. Возможно, поэтому никто не заметил, когда исчезла Эми, дочь Ребекки и Эрнеста Старр.

Старры жили в доме, который местные жители называли музеем. Эрнест Старр был коллекционером. Он собирал камни, семена, минералы, скелеты животных. Каминную полку украшали челюсть мыши и шкура лисы ржавого цвета. В шкафу он хранил обломок загадочного камня, всегда горячего на ощупь, и камень с отверстием, пробитым десятисантиметровой градиной, – Эрнест видел это собственными глазами, и ледяная градина в его собственных руках превратилась в зеленоватую воду. Он хранил разные анатомические образцы в кувшинах с солью, и не было для него удовольствия большего, чем изучать препарированные тела летучих мышей или птиц. Он был зачарован чудесами природы и находил особое наслаждение в том, чтобы добывать сведения, которых не было ни у кого. В течение многих лет он собрал библиотеку атласов, карт и научных книг, столь редких, что к нему обращались профессора из Гарварда.

Старры принадлежали к старейшим семействам города, их предки были в числе его основателей. Эрнест получил в наследство пшеничные поля за Крайним лугом, а также кожевенную мастерскую. Это был человек, разменявший четвертый десяток, чудаковатый, умный, отец пятерых детей. У него на ферме трудились несколько работников, а пару недель тому назад он нанял еще и домработницу, чтобы приходила стирать и готовить. Домработница жила с торговцами лошадьми из Виргинии, которые недавно разбили свой неопрятный лагерь на другом берегу Угорьной реки, но Эрнест отнесся к этому спокойно. Он был справедливым и либеральным человеком. В доме Старров стояла вечная суматоха, и Эрнест приучил себя читать и заниматься в эпицентре хаоса. Двери хлопали, дети шумели и смеялись – Эрнесту ничто не могло помешать. Когда его жена, Ребекка, звала всех к обеду, он часто не слышал приглашения. Тогда Ребекка брала поднос и относила к нему в кабинет, чтобы он мог поесть, не отрываясь от занятий. Его последним увлечением были мотыльки, и он обнаружил в горах множество изумительных экземпляров. На столе перед ним стояли стеклянные пробирки и бутылочка с эфиром, которым он усыплял бабочек, затем он их прикалывал и исследовал.

В тот день, когда пропала его дочь, на обед было жаркое, хлеб с черной патокой и на сладкое – пирог с лимонным суфле. Эрнест запомнил это, потому что записал в журнал, куда заносил все приемы пищи. Он полагал, что такой дневник может оказаться полезен, если у него обнаружат болезнь, ведь болезнь часто связана с режимом питания. В день урагана он все утро проработал в кабинете, температура воздуха на улице упала. Это был самый холодный июнь, когда-либо зарегистрированный не только на территории Содружества, но и на всем побережье Атлантического океана, вплоть до запада Пенсильвании. В том году не было птенцов – отложенные яйца замерзли под скорлупой. Лисы и волки спустились с гор в поисках пищи и подбирались все ближе к городу. Угри в реке из-за холодной воды впали в сонливость, и ловить их не составляло труда. Поскольку многие горожане добывали свой хлеб, изготавливая кошельки, пояса и ботинки из кожи угря, и подрабатывали в кожевенной мастерской Старра, то все рину-

лись на берег рыбачить. Надев высокие ботинки и перчатки, люди шарили во взбаламученной воде сетями и крюками. Вода бурлила от рыбьих тел. С запада надвигались черные гроззовые облака, предвещая дальнейшее ухудшение погоды.

Никто не заметил отсутствия Эми Старр, пока не пошел снег. Ребекка приняла порхающие в воздухе снежинки за яблоневые цветы, но вспомнила, что на деревьях даже листья перестали расти из-за весенней засухи. А цветы на яблонях так и не появились. Девочке, о которой идет речь, было шесть лет. Тихий, послушный ребенок. Она родилась последней из братьев и сестер: Генри было десять лет, Оливии – двенадцать, Уильяму – тринадцать, самой старшей была шестнадцатилетняя Мэри. К обеду небо почернело как уголь. Снег продолжал идти, и к тому моменту, когда спохватились, что Эми нигде нет, толщина покрова достигла почти двенадцати сантиметров. Она не появилась за обеденным столом, хотя обычно первая карабкалась на свой стул и аккуратно расправляла на коленях салфетку. Никто не помнил, чтобы видел ее в этот день. Приходила ли она завтракать? Играла ли с детьми?

Ребекка встала из-за стола и со все возрастающим беспокойством обошла все комнаты. Она звала дочь, но никто не откликался. Когда Ребекка добралась до кабинета Эрнеста на третьем этаже, ее шея пылала, хотя все тело била дрожь. Пока она переходила из комнаты в комнату, становилось все холоднее, и Ребекка усмотрела в этом дурной знак. Домработница Соня в то утро гадала на картах, которые носила, увязав в шелковый шарф. Они с Ребеккой сели на кухне и стали пытаться будущее вместо того, чтобы присматривать за грушевым вареньем, которое медленно кипело на огне. На столе из сосновых досок Соня раскладывала карты судьбы своей хозяйки. Одна карта означала удачу, другая – любовь. Соня скинула третью карту и тут же снова убрала ее в колоду.

– Это ошибка, – пояснила она хозяйке.

Но Ребекка успела разглядеть эту карту. Эта карта означала смерть.

Эрнест с мальчиками надели пальто, ботинки, перчатки и отправились по тем местам, где могла оказаться Эми. Девочка часто играла в конюшне, в саду, в оранжерее, где в этом году так и не зацвели яблони. Эми любила воображать себя лошадью, или прекрасной дамой, или садовником, который сажает деревья. Как самой младшей, ей приходилось довольствоваться своим обществом и развлекать себя самой. Эрнест с сыновьями возвратились посиневшие от холода, пыхтя и сопя. Снег уже был выше двадцати сантиметров. Ребекка, услышав, что они не нашли никаких следов Эми, залилась слезами. Эрнест стал успокаивать жену, сказал, что продолжит поиски. Он снова ушел с Генри и Уильямом. Он велел мальчикам еще раз осмотреть окрестности, а сам пошел к дому пастора. Преподобный Смит, выслушав рассказ Эрнеста, тоже надел пальто. Мужчины поспешили к молельному дому, взбежали по лестнице и ударили в колокол. Четыре удара означали сигнал тревоги.

Оливия осталась дома, с матерью, которая почти лишилась сознания от горя, а Мэри накинула пальто и выскользнула за дверь. Весь Блэкуэлл покрылся сугробами, ногу некуда было поставить, чтобы не провалиться. Город выглядел заколдованным, непривычным. По дороге к молельному дому Мэри слушала, как каркают в полях вороны. Девочки обычно боятся темноты, боятся ходить одни, но Мэри была не из таких. Рыжеволосая, большеротая, она отличалась очень необычным характером. Она с ненасытной жадностью поглощала книги, тайком брала их из отцовской библиотеки, даже книги по анатомии. Она была настолько умна, что мать это пугало. Не раз и не два Ребекка отводила свою старшую дочь в сторонку и задавала ей вопрос:

– Чего хорошего можно ждать от девушки, которая так много знает?

Когда Мэри вошла в молельный дом, мужчины распределялись по поисковым отрядам. Принесли фонари: хотя от снега ночь искрилась и сверкала, все равно имелось много темных мест, куда следовало заглянуть, например подвалы и сараи или укромные уголки на обочинах, куда ребенок мог спрятаться, чтобы переждать бурю.

Том Партридж, который приходился Мэри дядей, присоединился к ее отцу и братьям. Сформировали еще восемь отрядов. Заглянули в каждый блэкуэлльский дом. Обследовали все амбары, мастерские и сады. Том Партридж, обвязавшись веревкой вокруг талии, даже спустился в колодец на центральной площади города. И все безрезультатно. В полночь все снова собрались в молебном доме. Участники поисков устали и проголодались. Многие чуть не отморозили пальцы рук и ног. Мэри обратила внимание, что ее брат Генри, совсем мальчик, самый младший из всех спасателей, совсем посинел. У него зуб на зуб не попадал, и он прикусил губы, стараясь унять дрожь. И все-таки горожане намеревались продолжить поиски и даже расширить их. Люди взяли альпенштоки, залили масло в фонари и вышли большим отрядом. Они не говорили вслух о том, чего боялись. Они пристально смотрели вперед.

Мэри шла позади отряда. К ней подошел брат Уильям.

– Тебе не надо ходить, – сказал он. – Возвращайся домой.

– Я пойду, куда захочу, – ответила Мэри. Она взяла Уилла за руку. Они во всех делах были заодно, и этой тревожной ночью они тоже были вместе.

– Мы найдем ее, – сказал Уильям, но ему было тринадцать, и его голос прозвучал не очень уверенно. У Мэри комок подкатил к горлу.

Дойдя до Крайнего луга, все остановились. Здесь располагались телеги торговцев лошадьми, прибывших из Виргинии, их лошади, утопая в сугробах, тихо стояли в загонах. Шесть телег были поставлены в круг. На деревьях лежал снег, и ветки, уже покрытые листьями, кое-где сломались под его тяжестью. Мэри посмотрела вверх сквозь замерзшие листья, и снег показался ей зеленоватым.

Чужаки расчистили место, развели костер, и несколько человек сидели вокруг него так, словно на них падал не снег, а яблоневые лепестки, не более того. Странно, что путешественники не спали в столь поздний час, среди них были и дети, они играли в снежки, привлеченные светом костра. Участники поисков, явно насторожившись, сбились теснее. У Мэри на ресницах лежал снег. Никогда раньше она не замечала, что темнота может быть цветной. Если прищурить глаза, красно-оранжевый костер напоминал закат. Члены поискового отряда стояли, напряженно переминаясь, пока их не почуяли собаки из лагеря. Собаки залаяли и побежали вперед, и чары, которые сковали людей неподвижностью, рассеялись. Поисковый отряд тронулся с места, люди из лагеря двинулись им навстречу. Мэри шла позади. Она боялась собак, а одна колли следовала за ней. Высокий юноша свистнул, и колли отстала от нее.

Может, людей охватила подозрительность, когда они встретили чужаков, а может, это разрослась тревога, возникшая, когда узнали о пропаже ребенка, но шепот сомнения стал громче. Кто-то заметил вслух: какое странное совпадение, ребенок пропал вскоре после появления торговцев лошадьми. Те дали согласие, чтобы их телеги обыскали. Блэкуэлльцы не проявляли той деликатности, с которой осматривали жилища своих соседей. Одежда, набитые сеном матрасы, одежда, горшки и кастрюли – все полетело в снег. Торговцы лошадьми стояли плечом к плечу, разговаривая на никому не понятном языке. Женщины и дети тихо сидели вокруг костра, принесли даже спящих младенцев. Мэри увидела Соню, которая каждый день приходила к ним в дом убираться и готовить. За Сонины колени уцепились трое детишек. Мэри удивилась. Она не знала, что у Сони есть дети. Мэри подошла к Соне и села рядом на лавочку, сделанную из дуба. Поблизости вились две или три собаки, а в ящике, устланном старым тряпьем, лежали щенята.

– Мне очень жалко, что твоя сестра потерялась, – сказала Соня. – Но у нас они ее не найдут.

Мэри посмотрела в сторону телег – молодой человек, у которого была колли, смотрел на нее.

– Это мой брат, – сказала Соня. – Он может помочь тебе.

Юношу звали Ярон, а его собака умела находить все на свете. Ей достаточно было понюхать кусочек одежды пропавшего человека. Если только собака возьмет след, ее ничто не останавливает.

– Можно, я скажу им? – Мэри кивнула в сторону своих горожан.

– А они поверят нам? – пожала плечами Соня.

Решили никому ничего не говорить. Соня поручила своих детей другой женщине и вместе с Мэри, Яроном и собакой, которую звали Бирди, пошла через поле. У колли был соболиный окрас с кремовым отливом, длинная струящаяся шерсть и длинный чуткий нос. Они с Яроном походили друг на друга, если не считать того, что у хозяина волосы были черные. Оба выглядели отчужденными, словно их мысли витали далеко отсюда. Ярон выпячивал подбородок, словно в любую минуту готов был принять вызов. По дороге все молчали, собака бежала впереди. Мэри дрожала так сильно, что ее покачивало. Снег в июне, черное небо, чужаки рядом – все это выбивало ее из колеи, несмотря на то что довольно скоро они оказались в городе, на ее улице, перед домом, где она прожила всю жизнь. Все лампы горели, и музей выглядел огромным. Почему-то Мэри стало стыдно перед Соней и Яроном за свое богатство. Ей хотелось сказать: «Весь этот дом для меня ничего не значит. Значение имеют только люди, которые живут в этом доме». Вместо этого она спросила: там, в коробке, лежали щенята Бирди?

Соня с Яроном недоуменно переглянулись. Лицо Ярона несколько смягчилось. Он что-то сказал сестре, но Мэри не поняла что.

– Он сказал, весьма вероятно, – ответила Соня. – Поскольку, кроме Бирди, других кобелей в лагере нет.

Они оставили колли во дворе, отряхнули снег с обуви и вошли в дом. Ребекка Старр и Оливия, сестра Мэри, сидели в гостиной у камина. Заслышав шаги, они поднялись с мест.

– Где она? – спросила Ребекка.

– Пока не нашли, – ответила Мэри. – Но у этого человека есть собака, которая может найти ее.

Рассказали об удивительных способностях Бирди, и Оливия побежала за платьем Эми.

– Ты взяла с собой карты? – спросила Ребекка у своей домработницы. Ребекка как одержимая хотела узнать будущее и умоляла погадать еще раз.

Соня посмотрела на брата, тот покачал головой и сказал:

– Нет.

Соня все-таки раскинула карты для Ребекки. Она сама была матерью и понимала, как нужен Ребекке проблеск надежды. Соня перевернула первую карту. Покорительница сердец, дама червей.

– Это твоя дочь, – сказала Соня.

Она перевернула вторую карту. Королева бриллиантов. Соня замолчала.

– А это кто? – хотела знать Ребекка.

– Другая дочь, – помедлив, ответила Соня.

Все повернулись к Мэри.

– Это значит, что я найду ее, – сказала Мэри.

Вернулась Оливия с лучшим платьем Эми в руках – из синего муслина, с лентами. Мэри взяла его, кивнула Ярону, и они вышли.

– Кай даяс? – крикнула Соня вслед брату, но он не стал утруждаться ответом, да Соня и не нуждалась в ответе. Она знала, что нужно найти девочку, и они будут ее искать, несмотря ни на что, даже если умнее было бы им, как чужакам, быстро сложить вещи и убраться восвояси, пока их ни в чем не обвинили. Мэри и Ярон через кухню вышли на улицу, где ждала собака. Ярон опустился на колени и дал собаке понюхать платье. Собака понюхала и возбужденно залаяла.

– Она что-то учуяла, – сказал Ярон. – Это хороший знак.

Бирди побежала по двору, они последовали за собакой, прошли мимо старого дома Брэди, самого первого дома, с которого начался Блэкуэлл, в нем теперь жил молодой Том Партридж. В темноте дом выглядел иначе, чем всегда, Мэри словно впервые его увидела. Обойдя двор, подошли к тому углу сада, где никогда ничего не сажали, потому что там когда-то была могила. Собака остановилась. Ярон снова опустился на колени. Покопал снег. Земля тут была красного цвета, из-под толстого слоя снега тянулись кверху замерзшие розы. Ярон случайно укололся о шип, капля крови упала на снег. Сердце у Мэри оборвалось. Ей хотелось наклониться поближе. Вместо этого она отодвинулась подальше. Собака снова залаяла, и Ярон продолжил копать. Показался кусок ткани. Мэри опустилась на колени рядом с Яроном. Она дрожала, но старалась держать себя в руках. Ярон взглянул на нее и тут же отвел взгляд.

– Ой! – выдохнула Мэри. Это была кукла сестры, которую они вместе сшили несколько недель назад. Эми никогда не расставалась с ней. Мэри отпрянула назад, словно ее ударили. Собака побежала в дальний конец сада.

Ярон поднялся и протянул руку Мэри. Она вдруг почувствовала себе слишком маленькой, чтобы находиться там, где она находилась, в красном саду, темной холодной ночью, с незнакомым мужчиной. Снежинки все еще падали. Ветер должен был усилиться, но в ту минуту все было тихо. Можно было услышать, как собака переходит от сугроба к сугробу.

– Я даже не знаю, – тихо проговорила Мэри. Она не вполне понимала, что хочет сказать этими словами. То ли не знает, в состоянии ли она идти и смотреть дальше. То ли не знает, что ей думать и чувствовать.

– Ты и не должна ничего знать, – успокоил ее Ярон. – Собака сама все знает. Нам нужно просто идти за ней.

Мэри взяла Ярона за руку, и он помог ей подняться.

– Откуда вы? – спросила Мэри, когда они пробирались между сугробами.

– Из Виргинии. Держим путь на запад.

В этом конце сада снежные заносы были даже выше, поэтому Ярон вел Мэри за руку, прокладывая путь. Его прикосновение было таким горячим, что обжигало. Они подошли к самому старому яблоневому дереву в Блэкуэлле. Оно единственное покрылось цветами, несмотря на погоду.

– Эмми любила играть тут, – проговорила Мэри. И замолчала. Ей не понравилось, как она сказала это – словно уже знает то, что знать нельзя.

Ярон протянул руку, отломил замерзшую веточку яблоневого дерева и положил ее в карман.

– Посажу там, куда мы приедем, – пояснил он. – Для своей лошади.

Собака подбежала и ткнулась Ярону в ноги. Ярон наклонился, чтобы погладить ее, но она уже бежала назад. Они долго-долго шли за Бирди, миновали болотистый пустырь, которым никто не интересовался, потому что он ни на что не годился: ни под пастбище, ни под пахоту. Обычно в это время сюда доносился шум Угорьной реки, но во время бури почти вся река затянулась пленкой льда. Так что было тихо.

Мэри прибилась поближе к Ярону. Ему было года двадцать два – двадцать три, он был человеком издалека, а Мэри не бывала дальше Ленкса. Она редко покидала Блэкуэлл, если не считать случаев, когда отец брал ее в поход на гору Хайтоп понаблюдать за насекомыми, поизучать папоротники, поисследовать помет диких животных, чтобы понять, чем они питаются. Мэри чувствовала себя странником на чужбине, человеком, о которых пастор говорит в своих проповедях, который забрел далеко-далеко от дома.

Собака, поскуливая, бегала туда-сюда по берегу реки. Потом остановилась как вкопанная. Мэри хотела пойти с Яроном, но тот остановил ее.

– Сначала я, – сказал он.

Мэри, которая обычно не боялась темноты, почувствовала, что сейчас ей страшно. Она смотрела, как Ярон наклонился к своей собаке. Он погладил колли и что-то сказал ей ласковым голосом. Мэри хотелось знать, что он говорит, хотелось стоять на коленях рядом с ним. Ярон встал с колен и бросил взгляд назад, его взгляд напугал Мэри. Потом он прыгнул в реку.

Она стояла потрясенная его исчезновением подо льдом. Мэри сделала судорожный вдох, словно ей не хватало воздуха, хотя это не она погрузилась под лед. Она чувствовала, что ее сердце останавливается. Собака бегала взад-вперед, лаяла вне себя из-за исчезновения хозяина. Мэри постояла несколько мгновений, а потом побежала к реке. Все происходило очень быстро – так стремительно мчатся во время грозы облака, так стремительно падают во время урагана снежные хлопья. Ярон исчез, обломки льда вращались вокруг полыньи, пробитой им.

Мэри стояла на самой кромке берега, ее ботинки промокли. Она ступила дальше, зашла по колено в воду. Холод пронизывал ее до костей. Ноги стали увязать глубже. Ей показалось, что подо льдом она видит большую синюю рыбу. Эта рыба была как рыба из сна, которую невозможно поймать. Потом мелькнула тень, лед раскололся. На поверхности показался Ярон, а в руках он держал рыбу – Эми, с которой стекала вода.

Они стояли рядом на прибрежной отмели, между ними было мокрое тело девочки. Они быстро и горячо дышали, Мэри плакала, а Ярон пытался ее утешить. Собака успокоилась, присела на задние лапы и не спускала глаз с ребенка, которого ей поручили отыскать. Платье Эми заледенело, и она стала тяжелой, как глыба льда. Они положили ее на берегу. Мэри прижалась своим телом к телу сестры и дышала в крошечный холодный рот сестры. Она читала, что иногда таким образом мертвых можно оживить. Но это не помогло.

– Я нашел ее. Они подумают, что это сделал я.

– Нет!

Снег был необычно ярким. Эми светилась и походила на звезду, упавшую с неба.

Ярон покачал головой. Его темные волосы были мокрыми.

– Они всегда думают на нас.

Одежда на нем тоже замерзла, в волосах появился снег. Мэри вспомнила, что она почувствовала, когда он исчез под водой. Она вспомнила выражение его глаз перед тем, как он прыгнул в реку. Она ощутила в душе что-то непонятное, когда Ярон наклонился и нежным движением закрыл глаза ее сестры.

Утром поисковый отряд нашел на берегу Угорьной реки тело девочки в синем платье. За ночь выпал толстый слой снега, он хрустел под ногами. Эрнеста Старра пришлось удерживать силой. От горя он потерял рассудок. Кричал, что никогда не расстанется с Эми. Клялся, что сохранит ее тело с помощью соли или спирта, что его девочка всегда будет с ним, но Ребекка и слышать об этом не хотела. Она велела, чтобы дочь похоронили на кладбище за городом, а заупокойную службу отслужили под деревом, которое одно смогло зацвести в то холодное лето, под деревом, которое называли Деревом жизни, и вполне справедливо называли, потому что его плоды спасли людей от голодной смерти. Ребекка Старр потребовала открыть гроб – она хотела снять с дочери туфли, чтобы Эми могла войти в Царство Божие босиком. Никто не посмел возражать Ребекке. Ей позволили сделать все, как она хотела. В один день она потеряла двух дочерей. Дело в том, что Мэри исчезла. Никто не решился спросить у Ребекки, откуда у нее на крыльце взялся щенок, которого видели у торговцев лошадьми. Каждый день она ходила с колли гулять вдоль реки и на луг, где борозды оставались даже следующим летом, которое выдалось теплым, безоблачным и ясным.

Филин и мышь

1848

В последний день учебы Эмили отправилась на прогулку. Родные хотели забрать ее из семинарии «Маунт холиоке»: в ней нуждались дома, к тому же школа пришлась ей не по душе. У нее на все имелась своя точка зрения, а преподаватели не всегда одобряли свободомыслие. Пора было ехать. Но прежде чем вернуться домой и снова подчиниться чужим требованиям, Эмили хотела побывать там, где она еще никогда не бывала. Ее манили леса и дали. В детстве, собирая полевые цветы, она часто уходила далеко-далеко и отыскивала почти шесть сотен разных видов, среди них много неизвестных. Ей нравилось исчезать с глаз долой, даже когда в комнате рядом с ней находились люди. Это был ее талант и ее проклятье. Что-то отделяло Эмили от других людей, какая-то пелена, белая, полупрозрачная. Сквозь пелену мир казался приглушенным и трудноразличимым, но порой Эмили удавалось что-нибудь разглядеть за пеленой. У Эмили было такое чувство, что если она вернется домой, то больше никогда оттуда не вырвется. Ей на ум пришла птица, пойманная в силки. Так и с ней. Что-то скрывалось внутри, билось о ребра, заставляло совершать поступки, о которых иначе она бы и помыслить не смела. У нее возникло острое желание затеряться, исчезнуть.

Она вышла за ограду школы и пошла куда глаза глядят. Она любила ходить пешком, одиночество было естественным ее состоянием. Очутившись на природе, она превращалась в призрак. Она радовалась встрече с полевыми растениями, как другие радуются встрече со старым другом: бухарник шерстистый, очиток пурпурный, полынь лечебная. Она сорвала листик полыни и положила его в ботинок. Местные жители говорят, что это колдовство помогает найти свою настоящую любовь. Эмили и впрямь чувствовала себя околдованной. Она шла уже который час. Повстречала красную лилию, древесную лилию и лилию пятнистую. Перейдя две дороги, углубилась в лес. Здесь он был густой и темный. Деревья росли, переплетаясь друг с другом, день не отличался от ночи, ночь ото дня, и никто на всем белом свете не знал, где она. Ее охватило чувство свободы и беззаботности, ноги не знали усталости. На ковре из мха и листьев виднелись гиацинты, лапчатка и пролесник. Сама не подозревая об этом, она дошла до горы Хайтоп. Наконец-то ей удалось очутиться там, где она никогда не бывала. Она шла без остановки около десяти часов и почти все это время была поглощена грезами. В этих местах водились черные медведи, которые могут бегать быстрее человека и весить шестьсот фунтов. Эмили читала, что раненый медведь плачет, как человек, и это ее немного успокаивало. Значит, между ними есть что-то общее.

Ночь она проспала, сидя под деревом. Сначала она думала, что умрет от ужаса, потому что часто трепетала от страха и в собственной комнате, даже закрыв окна на засов и занавесив их одеялом. Но, как ни странно, под открытым небом в глуши она ощутила удивительное спокойствие. Может, так чувствуют себя люди в то мгновение, когда прыгают с обрыва в реку? А может, так себя чувствуют, когда влюбляются, встают на рельсы, отправляются в страну, где все говорят на незнакомом языке? Почти всегда ей казалось, что она живет именно в такой стране, в стране, где люди слышат ее слова, но не понимают их смысла. Ей хотелось, чтобы ее поняли, но никто не понимал.

Утром, когда Эмили проснулась, было холодно. Она дрожала. Теперь при свете дня она осознала, что поднялась на вершину горы. Она стала спускаться в небольшой город, расположенный у подножия. По пути попадались заросли ежевики, колючего кустарника, скопления сумаха и птичьи гнезда. Ей никогда не доводилось бывать так далеко от дома, она была напугана и взволнована собственной смелостью. Волосы растрепались, руки покрылись царапинами. Туфли промокли от росы.

Скоро воздух прогрелся солнцем. Эмили все шла и наконец дошла до заброшенного дома на подступах к городу. Во дворе она заметила кроликов. Кролики кричат по-человечески, когда попадают в капкан. Дом, стоявший почти у самого леса, был очень старый, с соломенной крышей. Что, если ей поселиться в нем? Даже если брат с отцом будут ее искать, они пройдут мимо этого дома и не заподозрят, что она находится там. Она станет невидимкой. Ее семья смирится с ее исчезновением, прекратит поиски, и она останется жить здесь, на свободе, в покое и одиночестве. Будет делать одежду из скатертей, спать на тюфяке с сеном, держать окна открытыми и оставит в прошлом тот неотступный страх, который пробирал ее до самых костей.

Она продолжила путь вдоль поля, через сад. Над головой раскинулся купол из яблоневых цветов, воздух был напоен ароматом. Глядя сквозь белое благоухающее марево, она воображала, что это снег, что небеса приоткрылись, что мир принадлежит только ей. Городок, куда она пришла, был маленький, никто не заметил ее появления, пока она не оказалась возле старейшего дома в городе – обители семейства Брэди. Во дворе на стуле сидел мужчина и грелся на солнышке. На вид ему было лет тридцать, красивый, с черной бородой. Он смотрел в небо, но каким-то образом почувял, что она рядом.

– Почему ты идешь мимо и даже не здороваешься? – спросил мужчина с легким, очень приятным акцентом.

– Доброе утро, – с трудом выдавила Эмили. У нее было такое чувство, словно она проглотила целый пчелиный рой. Может, ее даже и ужалили. Позже она обнаружила на запястье красную полосу, на которую в тот момент не обратила внимания. Вот Эмили пришла в город, которого никогда раньше не видела, разговаривает с мужчиной, у которого хватает духу обращаться к ней так, словно он ее знает, хотя ее на этом свете не знает никто. И на том свете, скорее всего, тоже.

– А ты не местная, – сказал мужчина. Это он знал наверняка.

– Я гуляла по лесу. Любовалась цветами. – Это была правда, пусть не вся. Но и этого вполне достаточно.

– И ты не боишься медведей? – Мужчина поддразнивал ее.

– Себя я боюсь больше, чем медведей, – вырвалось у Эмили. Что ж делать, если в одиночестве ей не было страшно и на вершине горы она испытала покой. Что будет дальше?

– Значит, ты бесстрашная? – спросил он без издевки, с искренним интересом. Но сидел прямо и смотрел мимо нее.

– Нет, я трусиха. Мышь, – сказала Эмили. Ей вдруг стало стыдно.

– Сомневаюсь. Позавтракай со мной, – предложил мужчина. На шее у него была повязана салфетка. – Я просто сгораю от желания поговорить с необычным человеком.

Мужчина был одет в белую рубашку и светлый костюм. Он обращался к ней небрежно, без особых церемоний, как и положено очень красивому мужчине. Но на столе перед ним стоял поднос с аппетитной едой. Булочки, медовое масло, ломтики яблок и вдобавок тарелка с ветчиной. Эмили сообразила, что умирает от голода. Все же она колебалась.

– Сэр, я ведь вас даже не знаю, – сказала она.

– Меня зовут Чарльз Строу. Друзья зовут меня Карло.

В груди у Эмили трепыхалась птица, пойманная в силки.

– Только не отказывайся, – настаивал Чарльз. – Не так уж часто мимо этого старого дома проходит красивая женщина.

И тут Эмили догадалась, что он слепой. Она едва не рассмеялась в полный голос. Человек, который видел ее, никогда не назвал бы ее красивой. Она вошла в ворота и села напротив него.

Почувствовав на коже ее тень, он понял, что добился своего, и улыбнулся.

– Значит, ты не такая уж смелая, как делаешь вид?

– Это вы придумали, что я смелая. Я же сказала, что я труслива, как мышь, – возразила Эмили.

– Что у вас с глазами? – спросила она, заметив, что его глаза лишены блеска. Они имели очень странный цвет – темно-синий, матовый. Если бы Эмили потребовалось описать этот цвет, она бы сравнила его с лесным озером или с небесной дверцей.

– Ты очень прямодушная, – расхохотался Чарльз. – Или просто невоспитанная?

– Если вы считаете меня невоспитанной, я могу уйти. – Эмили не шевельнулась, не убрала рук с коленей. Она не собиралась уходить.

Ее ответ вызвал у него улыбку. В отличие от большинства людей, он находил ее очаровательной.

– Ты очень наблюдательная. Моя болезнь называется «речная слепота». Подцепил в Южной Америке, когда работал там. Причина – червячок, такой крошечный, что не заметишь. Обитает в воде. Я переплывал одно озеро в Венесуэле. Такое глубокое, что местные жители утверждают: оно соединяется с небом по ту сторону Земли. И мне чертовски не повезло. Тогда то мир и стал исчезать из виду. Но тебя я прекрасно вижу.

Эмили издала смешок. Протянула ладонь с растопыренными пальцами, помахала у него перед носом. Как она и предполагала, он не обратил внимания.

– Неправда. Не видите.

– Вижу.

– Вы не можете меня видеть. Я – человек-невидимка.

– Только не для меня. Я вижу невидимое. То, что внутри, а не снаружи. Одно из преимуществ моей трагедии.

– Тогда, может, это вовсе и не трагедия?

– Жизнь вообще трагедия, – с удовлетворением сказал Чарльз.

Эмили вдруг почувствовала сквозь чулок лист полыни, который лежал у нее в туфле. Эти самые слова она говорила сестре всего лишь несколько недель тому назад.

– Хочешь, докажу, что могу видеть то, чего никто не видит? – спросил Чарльз.

– Конечно, – кивнула Эмили.

Они сидели друг против друга, ничего не происходило, и Эмили не знала, что и подумать. Вдруг Чарльз резко нырнул под стол.

– Вы что, ловите свою тень? – недоумевая, спросила Эмили.

Чарльз знаком показал, чтобы она протянула руку. Она протянула, он положил свою руку рядом и осторожно приоткрыл сжатый кулак. Там была крошечная мышь-полевка. Эмили расмеялась, восхищенная.

– Вы прямо как филин! – воскликнула она. – Видите в темноте.

И с этой минуты, хотя другие звали его Чарльз или Карло, она стала про себя называть его Филином.

– Она твоя, – сказал Чарльз Строу. – Ее судьба в твоей власти.

Когда Оливия Старр Партридж, кузина Чарльза, вышла, чтобы забрать поднос, она с удивлением обнаружила за столом какую-то девушку, с которой разговаривал брат. С еще большим удивлением она обнаружила в чашке из хорошего фарфора полевую мышь. После церемонии знакомства Чарльз сразу же попросил Оливию показать Эмили дом и сад, посаженный более ста лет тому назад.

– Не дури, пожалуйста, – заявила Оливия. – Я уверена, что ей неинтересен этот старый сад.

– Она – знаток ботаники, – ответил Чарльз.

– Я всего лишь любитель, – уточнила Эмили.

– И не забудь познакомить ее с собакой.

– Откуда ты знаешь нашего Карло? – направляясь к саду, спросила Оливия у Эмили. Они шли по гранитным ступеням мимо белого забора из штакетника. Земля была какого-то странного, красноватого цвета, словно к почве подмешали неразбавленного пигмента.

– Нашим дорогам суждено было когда-то пересечься, – ответила Эмили.

Она размышляла, может ли спящий догадаться, что все происходящее – только сон, или он не понимает этого, пока не проснется.

– И когда же они пересеклись? – Оливия ухаживала за кузеном и считала своим долгом оберегать его. Ее муж и взрослые сыновья поехали в Бостон, а она осталась, чтобы заботиться о Карло. Он был тяжело болен, но утверждал, что сможет снова путешествовать. Он не из тех людей, которые сидят на одном месте. Его чемоданы уже уложены и ждут в передней.

– Сегодня, – призналась Эмили.

Они шли по саду, заброшенному много лет назад. Он представлял собой заросли, оплетенные плющом. Когда женщины приблизились, вспорхнула стайка ласточек и жаворонков.

– Наверное, раньше здесь было очень красиво, – проговорила Эмили.

Здесь до сих пор сохранилось несколько алых амарантов, кое-где виднелись пунцовые дельфиниумы, иные в шесть футов высотой. Подобных Эмили никогда не видела. Тут же была неухоженная грядка с красным латуком и рубиновой редиской, посаженная Оливией, из которой та и надергала пучок редиса к обеду. Более чем вековой опыт доказал: все, что произрастает на этой почве, приобретает красный цвет. Даже белые, розовые или голубые цветы через некоторое время меняют окраску. Эмили надкусила маленькую грязную редиску. Ее губы окрасились красным соком.

– Жаль, что бедный Чарльз не может взглянуть перед отъездом на свою родину. Он скоро уезжает.

– В Южную Америку?

– Да, он рвется туда. Наши края недостаточно величественны для него. Он говорит, что у нас не горы, а пригорки.

Мальчиком Чарльз проводил часы в библиотеке за чтением дневников Джеймса Кука, Льюиса и Кларка, воображая путешествие, которое совершит сам. Пока другие мальчишки катались на салазках или ловили рыбу, Чарльз штудировал испанский и арабский языки в старом заброшенном доме, мимо которого проходила Эмили. По складу он был отважным естествоиспытателем. Ему было двенадцать лет, когда на него во время прогулки с собакой – щенком колли – напал пекан. Пеканы – крупные хищники из семейства куньих, такие сильные и ловкие, что охотятся на дикобразов и умудряются поедать их вместе с иголками. Чарльз и пекан вступили в схватку из-за собаки. Пекан шипел и рычал, выгибал спину дугой, а потом вонзил зубы в шею колли. Чарльз сжал шею пекана, перекрыв ему дыхание. Тот извернулся и укусил Чарльза за руку, но Чарльз не отпускал его, пока тот не испустил дух.

Мертвого щенка Чарльз принес домой. Он плакал, но лицо оставалось решительным. Через три года Чарльз уехал. Он отправился в Гарвард, который не заинтересовал его, потом перебрался в Нью-Йорк и, наконец, очутился в Южной Америке, где оказывал посреднические услуги американским компаниям. Жизнь в джунглях, жара, реки с солоноватой водой и зубастыми рыбами – все это ему очень нравилось. Он начал видеть сны на испанском языке. Он вообще не тосковал по Массачусетсу – ни по снегу, ни по людям, ни по удобному дому. Лишь иногда он ловил себя на том, что мысленно бродит с собакой по горе Хайтоп.

О смерти отца Чарльз узнал только через шесть месяцев после того, как это случилось. Зрение тогда уже стало ухудшаться. Может, глаза удалось бы спасти, вернись он домой раньше. Теперь, когда он приехал, чтобы проститься с родиной навсегда, он видел только бледные тени, и они становились все бледней. Присутствие Эмили он ощущал как легкий ветерок на лице. Скоро и этого не будет. Поэтому он спешил с отъездом – успеть, пока свет не погас совсем.

Пока Чарльз жил у Оливии, он дрессировал собаку, готовил из нее поводья, чтобы взять с собой в Южную Америку. Собака сидела на привязи во дворе. Увидев ее на обратном пути после прогулки по саду, Эмили пришла в изумление и восторг.

– Это медведь? – воскликнула она. – Или теленок?

Она наклонилась и погладила огромное, ласковое существо.

– Это ньюфаундленд. Мой кузен считает, что эта собака будет сопровождать его в путешествии по Амазонке. Да ее там просто хватит солнечный удар. Или самого Карло.

Чарльз уже нанял мальчишку из местных, чтобы помог довести багаж до Нью-Йорка. В Нью-Йорке Чарльз с собакой сядут на корабль до Венесуэлы. Эмили осталась обедать и не пожалела об этом. Чарльз рассказывал ей о выдрах, огромных, как тигры, о крошечных свинках с длинными клыками, о пятнистых диких кошках, которые так любят одиночество, что, даже встретив себе подобную особь, издают пронзительный визг. Она готова была слушать его весь вечер напролет, да так оно, собственно, и вышло. Когда спохватились, было так поздно, что ей пришлось остаться. Свое появление в Блэкуэлле она объяснила просто: заблудилась в лесу. В этом была доля правды, поэтому Эмили не мучилась угрызениями совести. Хозяева с радостью пригласили ее переночевать. Прежде чем лечь спать, Эмили вышла из дома с коробочкой в руках, в которой весь день просидела мышь-полевка. Открыв коробочку, Эмили выпустила пленницу на волю. Чарльз ведь сказал, что Эмили вольна распорядиться ее судьбой, и Эмили распорядилась, как считала правильным. Но бедняжка стояла на месте, словно застыла.

– Беги, беги, – подбадривала ее Эмили.

Пойманная в силки птица трепыхалась в груди у Эмили, и та едва не расплакалась, когда мышка наконец побежала прочь, в лес, туда, где наверняка ее подстерегают филин или ястреб.

Ночью, оказавшись в чужом доме, Эмили размышляла о том, как удержать Чарльза, не дать ему уехать. Она не имела никакого права удерживать его, и все-таки она хотела этого. Ей пришла в голову дикая, фантастическая мысль. Она встала среди ночи и вышла во двор, посидела с собакой. Потом взяла из сарая лопату и отправилась через спящий город. Молодой ньюфаундленд следовал за ней и дожидался у ворот, пока она крадучись пробиралась то в один двор, то в другой. Она нарвала пионов, айвы, белоснежных флоксов. Она выкопала два кустика роз, один – с запахом чая, другой – с запахом жженого сахара. Она украла лаванду, глазастые лилии, базилик, розмарин, шалфей. Она отнесла добычу домой, а потом отправилась в лес. Собака преданно ходила за ней и терпеливо ждала, пока Эмили искала то, что ей требовалось. Бородатая гвоздика, лимонная мята, туберозы, рододендрон, триллиум, болотный клемонос, барбарис, лещина вирджинская, мальва, жимолость. Эмили выбирала только пахучие растения, только те, которые заявляют о себе запахом. Каждый цветок должен стать частью сада, предназначенного для слепца, должен внести свою лепту в пахучие заросли, где даже жалкая травинка оборачивается чудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.